

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Сорочан С. Б. "Carceras habitateris"? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. - Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 73-130.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті (статтю розміщено за згодою автора)

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

С. Б. СОРОЧАН

«CARCERIS HABITATORIS»?

ПОЛОЖЕНИЕ ХЕРСОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX в.

В свое время Д.Л.Талис небезосновательно полагал, что, опираясь на Херсон, Византия стремилась проводить политику монопольной торговли на Черном море [Талис, л. 6]. Во всяком случае, империя действительно торговала через него с обширным хинтерландом херсонского порта, не вступая в опасные прямые контакты. Причем удерживать Херсон и прилегающие области - климаты на положении буферного владения Византия могла не только военным давлением, но и материальной помощью, поставкой продовольствия и других товаров. Дело в том, что город в силу сложившихся обстоятельств вновь, как и до второй половины VII столетия, вновь попал в экономическую зависимость от империи. Ответ на вопрос, когда и вследствие чего это произошло и каково было на самом деле положение херсонитов, заставляет обратиться к комплексному анализу политического и хозяйственного развития города после создания на землях Таврики византийской фемы.

Латинская версия «Жития и перенесения мощей св. Климента», переработавшая к началу XII в. материалы гораздо более раннего сочинения второй половины IX в., повествует, как Константину Философу, оказавшемуся в Херсоне в связи с имперской политико-религиозной миссией, жители его округа - «пришельцы из разных народов, а не местные уроженцы» - говорили, что место, где находились мощи папы Климента и его храм, заброшены, разрушены «...вследствие многих нападений варваров», а «...большая часть области (страны) этой почти покинута и сделалась необитаемой» (*et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita*) [Vita cum Translatione S. Clementis 1911, p. 143, § 2; Житие и перенесение мощей св. Климента 1912, с. 216; Житие Иоанна Готского 1912, с. 388, прим. 1]. Буквально то же самое сообщали сам Константин Философ и епископ Митрофан Смирнский в рассказах Анастасию библиотекарю, вспоминая об «увеличивающихся толпах язычников со всех сторон» (*crescente circumquaque multitudine paganorum*) и о «свирепых разбойниках» (*valde saevi latrunculi*), оказавшихся в числе живших «подле того места» (*sed quod omnes accolae loci illius utpote*) [Epistolae Anastasii 1911, p. 141, § 2-3]. Разрушенные в конце VIII - IX в. и уже не восстановленные храмы обнаружены во время археологических исследований на Керченском полуострове [Гадло 1980, с. 137-140]. Следы разгрома прослеживаются и в Юго-Западном Крыму. Так, в низовьях р. Бельбек (в Поворот-

ном) не позже середины IX в. (судя по отсутствию в слое высокогорлых кувшинов с плоскими ручками) оказались разрушены жилища поселения и трехнефная византийская базилика [Романчук 1976, с. 18, 23-24; Щербакова 1976, с. 27-29; Айбабин 1999, с. 220]. К тому же времени относятся следы пожара, в котором погибли усадьбы и постройки, раскопанные на поселениях у с. Оборонное Баллаковского района г. Севастополя и на высоте Безымянная. Жителями было оставлено пришедшее в упадок соседнее с Тепе-Керменом городище Кыз-Кермен в среднем течении р. Качи, в 3 км к югу от Чуфут-Кале [Белый, Душевский, Мажуко 1999, с. 3]. И письменные, и археологические источники указывают на то, что вражеские нападения то и дело терзали окрестные с Херсоном крымские города или поселения и делали тяжелой обстановку в самом городе, оказавшимся «соседствующим» с беспокойной «хазарской землей» [Ягич 1893, с. 6-7; Шестаков 1908, с. 50; Васильев 1927, с. 227; Артамонов 1962, с. 330].

Едва ли епископ Митрофан попал в Таврику раньше «фотианского» Константинопольского поместного синода 859 г. Не совсем понятная для историков византийская миссия к кагану хазар, в которой участвовал Константин Философ и целью которой был далекий Семендр (Самандр) на территории приморского Дагестана либо еще более дальний Баланджер, к северу от Дербента [Marquart 1903, S.16, 21], а транзитным пунктом стал Крым, относится, вероятнее всего, ко второй половине 860 и 861 гг., поскольку Пространное (Паннонское) житие святого сообщает, что он прибыл в Херсон, когда прошло почти 50 лет со времени правления Никифора I (802-811) [Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина 1991, с. 149, 154-155]. Из текста Жития можно заключить, что миссия Константина была ответом на посольство кагана, принесшее императору ромеев послание, в котором вспоминалось о «старой дружбе и сохранении любви» [Житие Константина 1981, с. 77, гл. 8]. Однако едва ли правомерно утверждать, что речь шла только о мирном сотрудничестве, что отношения византийцев с хазарами всегда были исключительно дружественными и даже в это время не находились в стадии конфронтации [Ср.: Цукерман 1998, с. 675; Цукерман 1997, с. 320]. И Пространное Житие Константина, и Италийская легенда единогласно указывают, что, возвращаясь из Хазарии, из резиденции кагана, византийское посольство, заручившись согласием хазар оказать в случае необходимости помощь василевсу, забрало вместо даров отданных хаганом пленным ромеев [Житие Константина 1981, с. 85, гл. 11; Vita cum Translatione S. Clementis 1911, p. 145, § 6]. Если сопоставить это с упоминанием Жития Константина об осаде войсками хазар некоего «христианского города» в Таврике осенью или зимой 860/861 г., станет понятно, что слова кагана о «дружбе и любви» следует воспринимать не более как пример дипломатической риторики [Житие Константина 1981, с. 78, гл. 8].

Уладив вопросы политического и религиозного характера в Таврике, посланец василевса и патриарха отправился в Хазарию, где, по словам автора Жития, победил в диспуте еврейских раввинов, доказывая правильность учения

Христа [Пространное житие Константина 1986, с. 116-118, гл. 11]. Его якобы благодарили хазарская знать и каган, лично написавший об этом императору, и, опять-таки по словам агиографа, со временем все обещали креститься. ...Но не крестились. Скорее всего, в миссии Константина на тот момент была больше заинтересована Византия, нежели Хазария, причем по причинам политическим, а не вероисповедальным. Похоже, представитель ромейского императора и Церкви и не надеялся обратить хазар в христианство. Если он и вел переговоры с хазарским правительством, то в лучшем случае мог добиваться свободы вероисповедания для христианского населения, жившего на подконтрольной хазарам территории, в том числе в Крыму, Готии или «климатах Херсона» [ср.: Артамонов 1962, с. 331]. Об этом же свидетельствуют попытки лично самого Константина поднять дух верующих в Херсоне и после возвращения из Хазарии в Таврику упрочить позиции христианства среди «народа фульского».

Жан-Пьер Ариньон, анализируя термины *hurekooi kai groxepoi*, то есть подчиненные и посредники (поручители), из послания-энциклики патриарха Фотия 867 г., где сообщалось о русах и их нападении на Константинополь в июне 860 г., полагает, что речь шла о членах варяго-славянского племени, которые после неудачного похода вернулись туда, откуда они отплыли, а именно в Таврику, и что миссия Константина была отправлена туда же, чтобы побыстрее обратить их в веру [Ариньон 1995, с. 30-32]. Однако в последнем случае мы имеем дело с очередным предположением, которому, видимо, суждено остаться в области недоказуемых исторических гипотез. Проще и вместе с тем гораздо вероятнее выглядит давнее предположение Ф.Дворника о том, что причиной, толкнувшей Византию на отправку миссии в Хазарию, мог явиться испуг от нападения росов на Константинополь, ибо византийское посольство отбыло в путешествие ко двору кагана сразу после этого события [Dvornik 1933, p.172-180]. Хазары же, отправившие перед этим посольство в столицу империи, в свою очередь были обеспокоены нараставшей нестабильностью отношений не только с ромеями, но и, вероятно, с венграми. Подтверждением союза Византийской империи с Хазарским каганатом стало письмо кагана к василевсу плюс решение о религиозной неприкосновенности христиан в Хазарии [Науменко 2002, с. 75-76]. Так или иначе в 863 г. Константин, будущий знаменитый первоучитель и апостол славян, уже направлялся с новой миссией в Великую Моравию и, возможно, принимал участие в болгарских делах, готовя крещение государя Бориса (852-889), которое состоялось в 864-865 гг. [Петров 1978-1980, с. 269]¹. Отделение символики агиографического субстрата в описании миссии к хазарам позволяет предполагать, что это вполне реальное мероприятие религиозно-дипломатического толка состоялось, видимо, в период между летом-осенью 860 г. и летом-осенью 861 г. [Esbroeck 1986, p. 337-348]. Во всяком случае, 30 января 861 г. (3 февраля по

¹ Впрочем, путь ромейской миссии к морavam через болгарские земли относится к числу гипотез [ср.: Польшванн 2000, с. 34].

григорианскому календарю) посланники василевса и константинопольского патриарха находились в Херсоне, как указывают заглавные строки церковно-славянского варианта «Слова на перенесение мощей преславного Климента», написанного первоначально по-гречески, очевидно, кем-то из ближайшего окружения Херсонского архиепископа.

Логично допустить, что сама акция по обретению мощей прежде всего могла быть рассчитана на поднятие ослабевших в условиях вражеского, очевидно, хазарского и венгерского «прессинга» морального духа и веры херсонитов [Слово на перенесение мощей 1911, с. 130; Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина 1991, с. 149; Спиридонов 1914, с. 271; Филиппенко 1988, с. 123]. Недаром в «Слове на перенесение мощей преславного Климента» содержится знаменательная концовка-воззвание: «Блажен наш город! Раз мы таковы, значит будет он (св. Климент - С.С.) отгонять неприятелей» [Слово на перенесение мощей 1990, с. 315]. И. Франко полагал, что «Слово» было оглашено в некие роковые события или в ближайший после открытия мощей праздник св. Климента [Франко 1904, с. 189-190]. Это доказывается не только богатством деталей, собранных, очевидно, по свежей памяти, но и живостью надежды на помощь от мощей, которые автор называет драгоценным сокровищем, «негибнущим богатством», «бисерообразными». Все почувствовали себя отважными, «забывши всяку напасть», обретя спасение от «силы противного».

Позволение на открытие мощей просил «митрополит Херсона», Георгий, который, как гласят Проложные церковно-славянские варианты рассказа об обретении мощей Климента, «пошел в город Константинов и оповестил об этом патриарха», после чего вместе с Георгием из столицы на открытие мощей якобы прибыл клир Великой церкви - храма Св. Софии [Франко 1902, с. 312-313; Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина 1991, с. 149; ср.: Житие и перенесение мощей св. Климента 1912, с. 216, 217, гл. 3-4; Ягич 1893, с. 20]². И. Франко видел в этом «царьградскую интерполяцию», вставленную позднее в херсонскую версию [Франко 1904, с. 184-185]. Однако здесь может крыться если не буквальное, то верное по сути отображение исторического факта, поскольку действия, планируемые Георгием, требовали санкции столицы. Инициатива, таким образом, принадлежала местной Церкви, и увязывать ее с

²Как можно понять из текста «Слова на принесение мощей святого Климента из глубины моря в Корсунь», включенного в части церковно-славянских прологов, к розыску мощей подтолкнул природный фактор: «в царство Никифора (то есть не ранее начала IX в. - С.С.) затворися море, иде же бяху мощи... И печален бысть вельми Георгии, епископ Корсуньскыи. И иде в Костянтинъ град и возвести патриарху. И тои посла с ним весь клирос Святыя Софиа, и приидоша в Корсунь» [см.: Уханова 2000, с. 120]. На этом основании И. Франко связывал открытие мощей с первыми годами правления василевса Никифора, 802-803 гг., указывая, что речь идет о превращении чуда с отливом моря именно в это время [Франко 1904, с. 184]. На самом деле между этими двумя событиями могло пролежать достаточно продолжительное время. Очевидно, осознавая это, И. Франко в примечании заметил, что «само собой, дата опирается, так сказать, на острие шпильки» [Франко 1904а, с. 243, прим. 1]. К тому же, не наступление моря, увеличение его уровня, а, напротив, трансгрессия, достигшая своего максимума в IX-X вв., сделала возможным доступ на островок в Казачьей бухте, периодически затапливаемый водой [см.: Айналов 1916, с. 67-76; Essor 1964, S. 126-147]. Однако

планами большой константинопольской политики, внутривластных распрями, борьбой сторонников нового патриарха Фотия и экспатриарха Игнатия, как это делает Е.В. Уханова, весьма проблематично [Уханова 2000, с. 124-128]. По мнению московской исследовательницы, «мощи одного из первых римских епископов, до этого неизвестные в Херсонесе, были «обнаружены» там как раз в тот момент, когда император и патриарх Фотий впервые после победы иконопочитания и восстановления мира в империи остро нуждались в поддержке римского папы» [Уханова 2000, с. 127]. Ожидаемая находка с самого начала якобы была предназначена именно для предстоятеля Римской кафедры, энергичного, властного папы Николая I (858-867), как способ благодарности и своеобразный аванс за поддержку.

Мысль эта не нова. В свое время она была высказана графом И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым [Русские древности 1891, с. 9]. Спору нет - часть мощей св. Климента действительно попадет в Рим, однако это случится почти через семь лет после их обретения, не ранее конца 867 г., вскоре после прихода к власти Василия Македонянина, когда после устранения Фотия 23-24 сентября василевс-узурпатор и патриарх Игнатий будут нуждаться в благожелательной позиции папы Адриана II, сменившего незадолго перед тем умершего Николая I, станут искать примирения с понтификом и для этого пойдут на изменение политического курса в отношении Рима. К слову, Адриан с готовностью ответит на эти шаги и дары и в 869 г. отправит своих легатов на готовившийся в Константинополе церковный синод³. Но зимой 861 г., ко времени завершения предшествующей организационной работы по обретению мощей, имперский посланник, священник Константин, как и константинопольские светские и духовные власти, не мог знать, какую окончательную позицию займет папский престол по вопросу о давно, в 858 г., состоявшемся низложении сурового узколобного аскета Игнатия и избрании вчерашнего мирянина, просвещенного и талантливое Фотия. В это время папские легаты, епископы Радоальд и Захария, еще только

достоверность факта прибытия в Херсон представителей главного кафедрального храма империи вызывает серьезные сомнения, ибо должно было бы состояться в самое неблагоприятное время года, когда прекращение навигационного сезона отрезало Константинополь от Таврики и, говоря словами современников, «моря стояли как пустыни». Кроме того, основной источник - «Слово на перенесение мощей преславного Климента», очевидно, составленный кем-то из херсонитов, одним из участников события, даже не намекает на присутствие на месте «церковной комиссии», которую якобы выслал патриарх для подтверждения «истинности» мощей. В тексте не фигурируют иные «эксперты», кроме Херсонского архиепископа Георгия, близкого к нему безымянного лица, отдававшего повеления и, очевидно, имевшего священнический сан, Соломона, священника местной церкви св. Прокопия, местного проводника, «Дигица именем», и некоторых «верных», которые не остались бы анонимными, будь они высокими посланцами патриарха [Слово на перенесение мощей 1911, с. 128, гл. 3-4, 6]. Едва ли среди них крылись приезжие из столицы.

³ Назначение патриархом Игнатия, к которому был благосклонен папа, действительно на некоторое время восстановило дружбу между Константинополем и Римом. Однако дальнейшее показало, что Адриан II ошибочно полагал, будто прекращение распри заставит византийцев отказаться от своих притязаний на Болгарию, тогда как византийские власти столь же необоснованно рассчитывали на обратное в отношении Рима [см.: Оболенский 1998, с. 103].

прибыли в Константинополь для участия в будущем соборе, который соберется весной 861 г. по поводу искоренения остатков иконоборчества и рассмотрения законности низложения Игнатия [Anastos 2001]⁴. К этому времени мощи Климента в Херсоне были уже найдены, а, возможно, и доставлены в столицу империи, в церковь св. Апостолов, при которой после возвращения жил Константин, судя по тексту его Жития. Уж если мощи действительно разыскивались в дар властному, грубому, с большими претензиями папе Николаю I, к которому ни Михаил III, ни оба патриарха, мягко говоря, не испытывали симпатии, то тогда для их передачи представлялся самый подходящий момент, ибо, очевидно, обведенные вокруг пальца папские представители, выполнив роль арбитров в споре меду патриархами, уезжали из Константинополя, подтвердив, как и синод, легитимность избрания Фотия. Однако их не отдали. Такой «промах» признанных ромейских мастеров политической интриги, возглавляемых виртуозом логики и интеллекта, объясним только в одном случае: инициатива Херсона была сугубо местной, осуществленной благодаря помощи заезжего императорского и патриаршего эмиссара, хорошо понявшего ее актуальность, полезность для тогдашнего незавидного положения херсонитов, и поначалу не рассматривалась в контексте римской политики.

«Верный пастырь» Херсона Георгий действительно назван в некоторых вариантах агиографических рассказов митрополитом, но на самом деле не мог иметь такого титула (он был архиепископом, находившимся в непосредственном подчинении Константинопольского патриарха, тогда как дарование херсонской православной кафедре ранга митрополии состоялось лишь перед маем 1280 г.) [Труды 1915, с. XXVI-XXVII; Житие Константина Философа 1981, с. 85, гл. 12.; ср.: Богданова 1991, с. 22-23]. Интересно, что встречу и перенос мощей св. Климента в городской храм организовал «доблестный Никифор, князь этого города», еще достаточно молодой, но энергичный, деловой человек [Житие и перенесение мощей 1912, с. 217-218, гл. 4]. В латинской версии этого источника, известной как Итальянская легенда, он назван «*vir Nobilis Niceforus, eiusdem civitatis dux*» [Meuvaert, Devos 1955, p. 457]. По известной аналогии с переносом тела блаженного Симеона Стилита (ум. в 459 г.) можно заключить, что вопрос о

---

⁴Глава Константинопольской церкви вполне мог рассчитывать, что давняя ссора Игнатия с папским престолом по поводу отлучения архиепископа Сиракуз Григория Асбеста сама по себе обеспечит поддержку Николая I. В полученном накануне Фотием письме папы не содержалось возражений по кандидатуре нового патриарха, которого Николай был готов с любовью приветствовать после получения благоприятных докладов от легатов, дабы подобные деяния более не происходили без ведома Рима, а также после того, как будут удовлетворены претензии папского престола в отношении Иллирии и Сицилии. [Подробное исследование всех перепитий первого патриаршества Фотия см.: Иеромонах Герасим (Яред). Отзывы о св. Фотии, патриархе Константинопольском, его современников в связи с историей политических партий Византийской империи. СПб., 1874; Лебедев А.П. История разделения церквей. М., 1900. С. 51-64; Россейкин Ф.М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915; Dvornik F. The Photian Schism: History and Legend. London, 1948; Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 29-33, 189-190].

перемещении мощей из одного храма в другой решал не епископ города, а местный глава имперской администрации, в случае с телом Симеона - стратилат Ардаурий, который, по словам агиографа Антонина, через 30 дней после захоронения преподобного в антиохийской церкви св. Касиана «повелел ... переложить его в Великую церковь», в специально возведенный для этих целей придел [Антонин 1907, с. 84-85, sec. 28]⁵.

Никифор, видимо, недавно назначенный херсонским правителем, тоже был озабочен постройкой некоего «столпа» - памятника в виде колонны, где бы временно, доступные для всеобщего обозрения, были помещены мощи, а также занимался организацией экспедиции по их розыску, встречей и вносом раки в город⁶. Этот «князь» или «дукс» вполне может соответствовать одноименному императорскому спафарокандидату и стратигу Херсона [Цукерман 1997, с. 317], повышенному позднее до ранга протоспафария, чьи печати с изображением патриаршего креста с нимбом, по мнению В. и Н. Зайбт, относятся к 860-880-м гг., а по мнению Н.А.Алексеевко - ко второй половине-последней трети IX столетия [Зайбт 1995, с. 92.; Алексеевко 1998, с. 705-708, № 5-6; Алексеевко, Смычков 1999, с. 363-364, № 5]. Такое детальное совпадение еще раз подтверждает высокую степень достоверности агиографического источника как такового [ср.: Abrahamse 1967].

Итак, соседние с городом местечки страдали в это время от вражеских набегов. Как уже указывалось, «Пространное житие Константина Философа» упоминает об окружении и осаде хазарским военачальником какого-то близкого к Херсону «христианского града», впрочем, недостаточно настойчивой [Житие Константина 1981, с. 78, гл. 8; Васильев 1927, с. 227]⁷. Посланец Михаила III и патриарха Фотия, пользуясь своим статусом члена официальной миссии к хагану, еще мог решиться покинуть город со своими спутниками и путешествовать по окрестным поселениям, чтобы вступить в переговоры с хазарами и укреплять в вере тамошних местных христиан, но такие передвижения, невзирая на прикрытые посольской неприкосновенностью, были сопряжены с риском и требовали немало мужества. Случайная встреча с разбойничьим конным отрядом венгров могла закончиться не столь удачно, как повествует Житие. Видеть в этом

⁵ Интересно совпадение конечных пунктов переноса мощей - и в том, и в другом случае их поместили в «Великую церковь» или «кафолийский храм», «Большую базилику». Вероятно, так было принято обозначать главный храм - катедралу любого византийского города

⁶ И.Франко и некоторые другие переводчики, интерпретаторы текста Слова понимали под «столпом», на котором собирались на недолгое время выставить для всеобщего обозрения мощи организаторы их чествования, новую городскую башню во имя св. Климента, сооружаемую «князем города» Никифором [Франко 1904, с.186-187; Слово на перенесение мощей 1990, с. 314; Уханова 2000, с. 123]. Однако в этом случае при переводе с греческого вместо *pyrgos* должно было быть использовано более соответствующее ему слово «въя», между тем как слово *kiona* действительно адекватно слову «столп». Под ним понимали полуу внутри башню или колонну для стояния столпников, столб, колонну, памятник в виде колонны, но не городскую башню или часовню [Словарь 1963, стлб. 933].

⁷ По мнению К.Цукермана, причиной, заставившей хазарского военачальника снять осаду с крымского города, явилась его боязнь приближения венгерских войск, а зиму он выбрал для нападения потому, что в 860 г. хазары уже не располагали «большой базой» в Таврике и воспользовались

только вымысел, штамп, заимствованный составителем из агиографической традиции, не приходится: при всей ходульности таких штампов, объясняемой законами жанра, конкретные данные для них подбирались из действительности [ср.: Могаричев 2002, с. 52]. К тому же о сложной ситуации вокруг Херсона не умолчали и другие современники. Как уже отмечалось, Анастасий библиотекарь со слов Константина Философа и Митрофана Смирнского тоже писал о все более увеличивающихся со всех сторон толпах язычников (*crescente circumquaque multitudine paganorum*), о пришельцах из разных варварских народах, свирепых разбойниках, часто наезжавших в эти края и временами превращавших оставшихся в городе жителей в обитателей тюрьмы [Ягич 1893, с. 5-6, 9-10, гл. 2-3]. О многих нападениях варваров (*multitudinem incursantium Barbarorum*) на окрестные с Херсоном земли упоминал и составитель Итальянской легенды, пользовавшийся источниками времен Константина Философа [*Vita cum Translatione S. Clementis* 1911, p. 143, sec. 2].

Византийское посольство отправилось в 860 г. из Константинополя ко двору кагана скорее всего, именно потому, что между ромеями и хазарами, хотя они и не находились в состоянии войны, сложились конфликтные отношения, в том числе и по вопросу о проповеди христианства, вероятно, на спорных территориях, к числу которых относился и Крым. Время, когда византийцы оказывали помощь в строительстве Саркела, давно стало преданием, а ситуация изменилась и стала гораздо более напряженной. Никакой парадоксальности некой «одновременности» сотрудничества и конфликта между Византией и Хазарией на тот момент не было [ср.: Noonan 1992, p. 131; Цукерман 1998, с. 675]. Возможно, каган действительно отправил своих посланников в столицу Романии около 860 г. с дежурной дипломатической фразой о «старой дружбе и сохранении любви», но вовсе не случайно в хазарском Семендре или Баланджере оказалось два десятка пленных греков. Константин Философ в 861 г. выпросил их у кагана в завершение посольской миссии ромеев, которой, видимо, удалось несколько наладить обострившиеся вза-

---

замерзшим Керченским проливом, чтобы совершить набег с Таманского полуострова. Мало того, венгры напали на Константина не только, чтобы ограбить его, но и потому, что он только что покинул лагерь их противников - хазар [см.: Цукерман 1998, с. 677]. Однако снимая одно кажущееся противоречие - одновременность признаков сотрудничества и конфликта между Византией и Хазарией - исследователь порождает другое, не менее парадоксальное. Ведь согласно его же данным, в начале 860-х гг. отношения между хазарами и венграми должны были быть сравнительно сносными, что отразилось в женитьбе венгерского предводителя Леведии на знатной хазарке, и с хазарами был достигнут определенный *modus vivendi* [Цукерман 1998, с. 683]. Напряжение между ними стало расти скорее всего, лишь после 861 г., в 870-е гг., когда у «турков», то есть венгров, нашли убежище три рода (племени) хазарских мятежников - каваров, вероятно, возмущенных превращением верховной власти бека (пеха хазар) в наследственную [Константин Багрянородный 1989, с. 162-163, гл. 39; с. 394, комм.1; Цукерман 1998, с. 671-672, 684]. Что касается зимы как времени ведения военных действий, рейдов, то она остается под вопросом, ибо с не меньшей вероятностью случившееся могло произойти осенью 860 г., вскоре после прибытия Константина из Константинополя в Херсон. Наконец, нельзя исключить, что хазары в 860/861 г. все еще оставались в Крыму, никуда не уходили, и поэтому им не надо было ждать, когда замерзнет Керченский пролив (если он вообще замерзал).

имоотношения и добиться письменного обещания, что хазары будут оставаться «верными подданными» Империи (*affirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subditos et fidelissimos de cetero velle manere*) [Житие Константина 1981, с. 85, гл. 11; с. 122, комм. 6; *Vita cum Translatione S. Clementis* 1911, р. 145, § 6]. Учитывая недавнее нападение «росов» (*ton Ros*) на Константинополь летом 860 г., византийцы были особенно заинтересованы в урегулировании затянувшегося конфликта с Хазарией, дабы с помощью давления последней побыстрее сделать «народ рос» «подданным и дружественным» [см.: Photius 1870, р. 162-170].

Главе папской канцелярии, Анастасию библиотекарю, собиравшему во время посещения Константинополя в 869-870 гг. сведения о деятельности св. Кирилла для Гаудериха, епископа италийского города Велитери (Веллетри) (*sanctae Veliternensi praeest ecclesiae*), довелось беседовать с тогдашним митрополитом Смирны, Митрофаном, который прежде проживал близ Херсона, посланный туда «вместе с другими» патриархом Фотием (858-867) (*...penes Cersonam a Photio cum alliis exilio relegatus*) [Ягич 1893, с. 6], очевидно, во время преследования несогласных с политикой Фотия. До этого, не ранее самого конца 867 г., папский архивариус лично встречался с самим Константином, прибывшим незадолго перед этим в Рим [Житие Константина 1981, с. 140, комм. 13; Vavrinek 1999, р. 46-47]. Полученные сведения Анастасий изложил через несколько лет в письме Гаудериху, из которого следует, что Митрофан, как и Константин Философ, тоже считал всю ту часть области Херсона (*tota illa pars Cersonicae regionis*), соседнюю с землей хазар (*chazarorum terrae vicina*), покинутой, оставленной (*desolate est*), «...так что епископ Херсона внутри того города с немногочисленным народом (*non plurima plebs*) пребывал, и те, казалось, были не города жители, сколько тюрьмы обитатели (*carceris habitatores*), так как не отваживались выходить, остерегаясь (*cum non auderent extra eam progredi, viderentur*)» [Ягич 1893, с. 6-7, § 2]. Передавая сжатый рассказ самого Константина Философа, Анастасий писал, что окрестности Херсона лежали «на пограничье (по соседству) ромейской местности империи (*in confinibus ille sit romani locus imperii*), и различные варвары из самых различных племен в большом числе стекались (часто вторгались) туда (*diversis barbarorum quam maxime nationibus frequentetur*)» [Ягич 1893, с. 6, § 2].

При таком положении было неминуемо развитие тенденции на отрыв города от снабжавшей его сельской округи и необходимость полагаться преимущественно на внешнюю торговлю для получения нужных продуктов из-за моря. Однако насколько правомерно будет безоговорочно довериться столь категоричному утверждению источника и, следуя за ним, говорить об абсолютной, глухой изоляции горожан? В насыпи водохранилища на южном участке херсонесского городища зафиксировано 10 классов местных и привозных амфор, происходящих из комплекса, который включал материалы не только V-VIII вв., но и первой половины IX в. [Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 60, класс 26-35]. Из того же комплекса следует, что город производил в это время собственную

столовую керамику, представленную разнотипными кувшинами, мисками, тарелками, горшочками, и пусть в небольшом количестве, но все же получал гончарные изделия иногородних центров, импортные кувшины, белоглиняную поливную посуду [Седикова 1994, с. 64; Седикова 1993, с. 134-136]. Есть основания полагать, что последняя поступала в город, по меньшей мере, уже с первой четверти IX в., поскольку она обнаруживает полные аналогии среди форм, найденных в Большом дворце Константинополя в слое, датируемом монетой Льва V (812-820) [Седикова 1993, с. 135, рис. 3,6,14,15].

В «весьма близком и сопредельном с землей хазар» греческом городе Херсоне звучала разнообразная речь. Константин Философ провел здесь немало времени, слыша не только греческий, но и еврейский, хазарский языки, изучая книги «самаритянские» (сирийские), «Евангелие и псалтырь, русскими (сурскими?) письмены писаны» [Житие Константина 1981, с. 77, гл. 8; Житие и перенесение мощей св. Климента 1912, с. 148-149; Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина 1991, с. 148-149]. Сюда поступали товары с Южного берега Понта, из Италии, арабского Востока [Романчук 1976, с. 39; Романчук 1981, с. 326], отсюда уходили транспортные корабли «в Хазарию, на Меотидское озеро» (Азовское море) [Житие Константина 1981, с. 78, гл. 9]⁸, моливдовулы императорских спафариев, спафарокандидатов, архонтов и стратигов Херсона середины IX в. получали в Сугдее [Степанова 1995, с. 13-14; Степанова 2001, с. 24-27; Степанова 2002, с. 231, 232], а херсонские монеты Василия I, некоторые гончарные изделия, металлические и костяные украшения попадали в Таматарху и Саркел [Артамонов 1958, с. 43, 74; Соколова 1983, с. 56]⁹. Какие-то грузы, опечатанные херсонскими коммеркиариями, поступали в Подунавье [Соколова 1983, с. 71, 76, № 18], и, значит, что-то везли в обратную сторону. К числу таких предметов импорта может быть отнесена керамическая белоглиняная поливная иконка с изображением креста, выполненного синеватой, темно- и светлокорицневой глазурью, верхняя часть которой (4х4 см; толщ. 0,4 см) оказалась обнаружена в 1982 г. у юго-восточной стены помещения 58 на месте раскопок усадьбы IX в портовом квартале 1 [Кадеев, Мещеряков, Сорочан, л. 18, рис. 52,2].

К столь же редким и вместе с тем весьма многозначущим находкам относится хранящийся в частной коллекции К.Д.Смычкова неопубликованный херсонесский моливдул¹⁰. С лицевой стороны он очень поврежден, особенно по линии канала для шнура, так что сохранилась только часть изображения крестовидной инвокативной монограммы «Господи, помоги твоему рабу...» в окруже-

⁸ Херсон несомненно поддерживал водную, морскую и речную связь с хазарскими землями. Иначе откуда бы в конце 830-х гг. взялись в городе херсонские гребные суда с малой осадкой (*kamatera* *karabia*), пригодные для плавания по Азовскому морю и Дону? [Константин Багрянородный 1989, гл. 42, 32-35, с. 170-173; Zuckerman 1997, p. 213-214].

⁹ По подсчетам, херсонские литые медные монеты IX-X вв. составляют больше 42% монетных находок на Таманском городище [Кропоткин 1962, с. 175].

¹⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить К.Д.Смычкова за любезное разрешение воспользоваться сведениями об этой печати.

нии круговой надписи, неясные литеры которой не позволяют реконструировать легенду, содержащую имя и, по всей вероятности, сан владельца¹¹. Зато на обратной стороне полностью читается достаточно четкая четырехстрочная надпись: *imat(i)o(n) e(x)o pratik(i)o(u)* - «одежд (платьев), продаваемых чужим» или «одежд (платьев), продаваемых вне (за пределы)»¹². Несмотря на необычность типа лицевой стороны, формы знаков сокращения (в виде крупных точек), прекрасное исполнение печати, особенно украшения в ее поле, свидетельствуют о ее столичном происхождении в первой половине-третьей четверти IX в., не позднее 60-х гг. Скорее всего, она указывает на деятельность имперского чиновника, который контролировал или организовывал продажу готовых тканей, платьев и одежды, причем не обязательно только из шелка. Слово «иматий» ромеи понимали именно в таком широком значении. А вот предлог «экс» весьма любопытен¹³ и как бы подчеркивает особый смысл, служа направлением поисков вариантов трактовки надписи обратной стороны. В частности, они уводят к некоторым особенностям политической и торгово-экономической жизни столицы империи.

Так, наряду с продовольственными, оружейными складами, в Константинополе в IX в. существовали императорские пакгаузы, носившие название килистариов (*basilikoi kylistareios* или *kylistariois*), куда поступали только ремесленные товары, отмеченные печатью эпарха (*tou eparchou boules*) [Византийская книга Эпарха 1962, VIII. 9; 11]. За этим тщательно следили служащие каждого хранилища. В Книге эпарха речь шла о складировании в килистариях иматиев, тех шелковых и шерстяных тканей, плащей, вообще, одежд, платьев, одеяний (*imatia*), которые предназначались для использования императорским двором и чиновничеством, а частично, возможно, шли на продажу и подарки иноземцам, составляя предмет интересов «дипломатической торговли». На подобные мысли наводят размышления над некоторыми клаузулами болгаро-византийского договора 716 г., повторенными в 812 г. «архигосом» Крумом [Theophanis Chronographia 1883, p. 497. 16-26; Oikonomides 1987, p. 29-31; Сорочан 1995, с. 64]. Во всяком случае, о такого рода дарах, взятых со складов, говорилось в «Книге церемоний» [Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis 1929, p. 661]. Главный форпост империи в Таврике был особенно удобен для роли передаточного звена в сношениях с неспо-

¹¹ Размер печати: диаметр 23 мм, толщина 3 мм. Расшифровку литер затрудняет слабый оттиск матрицы и ее смещение.

¹² Впрочем, если понимать под пратиконом или пратикионом указание не на продажу, а на некий конкретный торговый налог, тогда мы имеем дело с указанием на одежды, освобождавшиеся от уплаты такого налога, вынесенные вне пратикона или пратикиона («одеяния вне налога»), то есть не облагавшиеся налогом на продажу, отчего тюки с ними подлежали опечатыванию соответствующей печатью. Следует обратить внимание на пока не объясненное обстоятельство: после слова *imat(i)o(n)* или *imatio(n)* (среднего рода), указанного в именительном падеже, на печати стоят две точки, смысловое значение которых неясно. Слово же *pratikou* или *pratikio(u)* (после *k* имеются следы точки, возможного знака сокращения) тоже среднего рода, но стоит в родительном падеже.

¹³ В географическом значении он употреблялся для обозначения территорий за пределами города, применительно к отдаленным странам [см.: Дюно, Ариньон 1982, с. 70].

койным миром северных «варваров», а ткани и одежда всегда были козырной картой византийской внешней торговли и политики.

С властями Херсона имели дела не только главные логофеты, коммерциарии, комит Иерона - крупного таможенного поста и ярмарочного центра на северной оконечности пролива Босфор, но даже стратиг далекой Сицилии, патрикий и императорский протоспафарий Епифаний, печати которых датируются первой половиной, второй четвертью, серединой-третьей четвертью IX в. [Соколова 1992, с. 195; Соколова 1996, с. 202-203, 210-212, № 42-47]. Не исключено, что накануне или в момент организации здесь фемы для поддержки гарнизона Херсона был перебазирован с Сицилии какой-то контингент ромейских войск с одним или несколькими кораблями, о чем, кроме моливдула, свидетельствуют медные монеты сицилийского чекана времени правления Льва V Армянина (813-820 гг.) [Sokolova 1965, p. 565-570; Соколова 1992, с. 195; Соколова 1996, с. 203]¹⁴. На то же может указывать датирующаяся 30-40-ми гг. IX в. печать императорского спафария и стратига Арменика, которая хранится в собрании К.Д.Смычкова [Смычков 1999, с. 75].

Поэтому давно и последовательно постулируемое представление А.И.Романчук о том, что город превратился в это время исключительно в местный, почти полностью замкнутый региональный экономический центр, не соответствует действительности [ср.: Романчук, Седикова 1991, с. 43-44; Романчук 2000, с. 204; Romanchuk 2001, p. 40]. Его связи с округой ослабли, но они не ограничивались только Юго-Западной Таврикой. Сопоставление их заморской сферы с тем, что мы имеем для позднеантичной эпохи, приводит к парадоксальному на первый взгляд заключению, что они существенно не изменились по широте охвата.

Находки золотых монет достаточно случайны, но тем не менее их число увеличивается именно для второй половины IX в. После правления Юстиниана I (527-565) можно назвать солид Тиверия I Константина (578-582), солид Маврикия (582-602), два солида Фоки (602-610), солид Константина III (641), солид Тиверия III (698-705), два солида Константина V (741-775), солид Феодоры (842-856), два солида Михаила III (842-867), четыре солида Василия I (867-886) и еще три совместно Василия I и его сына - соимператора Константина (869-879) [см.: Производство археологических раскопок 1892, с. 14, № 6; Раскопки в Таврической губер-

---

¹⁴ Вместе с тем, обращает внимание, что Херсон уже давно имел связи с Сицилией и поддерживал их весьма протяженное время. В коллекции К.Д.Смычкова находятся происходящие из случайных находок в Херсонесе моливдул второй трети VIII в., который принадлежал стратигу Сицилии патрикию Прокопию (?), и еще одна печать конца X в., протоспафария Льва, который тоже назван стратигом Сицилии, хотя фактически в это время он возглавлял фему Калаврия [Смычков 1999, с. 75-76]. Едва ли свидетельства этих контактов следует объяснять только тем или иным военным фактором. За ними могли стоять некие неведомые и поэтому кажущиеся нам загадочными политические и торговые интересы этих двух регионов Романии, несмотря на разделенность морями, имевших в чем-то похожую историческую судьбу: «окраинность», мятежные правители, необходимость противостоять «варварскому» миру, взаимодействие этносов, право на выпуск монеты, условия «синтезной контактной зоны».

нии 1893, с. 4; Гилевич 1959, с. 267-268; Романчук 1976, с. 39; Костромичева 1979, с. 126-129]. Таким образом, набирается 10 золотых за полстолетия против восьми почти за три предыдущих века. В обращении оставались монеты предыдущих, подчас весьма ранних выпусков, что заставляет с осторожностью относиться к заявлениям о незначительном количестве находок монет, приходящихся на правление того или иного василевса [Романчук, Седикова 1991, с. 43; Романчук 1981, с. 326, табл. 3].

Наконец, в Херсоне, очевидно, уже с момента образования фемы, если не раньше, в конце правления Феофила, начался выпуск бронзовых литых монет с императорскими монограммами. Об этом свидетельствует клад херсоно-византийских литых монет неизвестного ранее типа, зарытый в середине IX в. [Соколова 1971, с. 16-25]. Составлявшие его монеты могли быть выпущены при первом стратиге Херсона Петроне Каматире в качестве своеобразной благодарности - компенсации Константинополя за активную помощь горожан в организации строительства Саркела. Можно предполагать появление одного типа херсонских монет времени Феофила (буквы DN/TH на аверсе и ПЛ на реверсе) и сравнительно уверенно говорить о не менее, чем двух типах монет времени Михаила III (буква М на аверсе и крест на реверсе; буква М и крест над нею на аверсе и крест на реверсе, буквы П на аверсе и Х на реверсе), а также двух типах монет, выпущенных при Василии I (буква В и крест справа от нее на аверсе и буква П с двумя крестами на реверсе; буква В на аверсе и крест на реверсе) [Анохин 1977, с. 113-116; Грандмезон 1986, с. 209, № 1, 2]. Если верно простое и вместе с тем изящное предположение В.А.Анохина считать литые монеты с буквами МВ на аверсе и ПХ на реверсе херсонскими монетными эмиссиями «Михаила василевса», то есть относить их к единоличному правлению Михаила III (842-866), а не совместному правлению Михаила III и Василия Македонянина (866-867), как давно принято полагать среди нумизматов [Кёне 1855, с. 50; Орешников 1905, с. 365, № 13-15; Соколова 1983, с. 39]¹⁵, тогда находка в 1978 г. в Северном районе городища редкой херсонской литой монеты с буквами МВ на аверсе и КΛ(М?) на реверсе, что, вероятно, расшифровывается как KLIMATON, тоже может быть отнесена к 842-866 гг. [Гилевич 1964, с. 156; Гилевич 1992, с. 217, № 2]¹⁶. Все эти разновидности монет относятся к единому

¹⁵ Н.Н.Грандмезон, возражая против этого предположения В.А.Анохина, счел необходимым заметить: «Никогда, ни в античные времена (например, на Боспоре), ни в средние века (Византия), не обозначалось на монетах сначала имя, а потом титул правителя» [Грандмезон 1986, с. 211]. Но даже если монеты с буквами МВ были отлиты в 866/867 гг., невозможно сомневаться в том, что им предшествовали местные эмиссии более раннего времени.

¹⁶ Предположение тем более вероятно, что фактура указанных монет похожа на экземпляры некоторых столь же небрежно выполненных херсонесских монет середины IX в., поэтому их датировка на основании типа аверса 866-867 гг. сделана в духе ходового клише и малоубедительна [Соколова 1971, с. 16-25; ср.: Гилевич 1991, с. 217]. Логичнее видеть в ней отражение фемных эмиссий, сделанных с разрешения Константинопольского правительства вскоре после образования фемы Климатов, которые могли начаться с монет, отмеченных аббревиатурами КЛ или КЛМ и ПХ, несших

типологическому ряду и имеют примерно одинаковые размеры и вес. Деятельность херсонской официны должна была активизироваться после создания фемы Климатов, о чем свидетельствует особенно большое количество монет с литерой МВ [Гилевич 1964, с. 156; Гилевич 1974, с. 93]. В таком случае ко времени Василия I (867-886) можно констатировать лишь продолжение и пополнение местных эмиссий, а не возобновление выпуска херсонских монет. В пользу того, что монетный двор Херсона уже работал в правление Михаила III (842-866) свидетельствует очевидное обстоятельство: за четыре месяца, прошедшие с 26 мая 866 г., с момента венчания на царство Василия Македонянина, до убийства Михаила III 23 сентября 867 г. и провозглашения Василия автократом ромеев [Theophanes continuatus 1838, p. 240, 255; Продолжатель Феофана 1992, с. 103, 109 (V, 18, 28)], херсонский монетный двор выпустил для такого короткого срока слишком много монет, в количестве мало уступающем эмиссиям всего последующего продолжительного царствования Василия I (867-886). Оправдание подобной спешки некими гипотетичными экстренными обстоятельствами выглядит неубедительно, мало обосновано, равно как и утверждение, что монеты с МВ на аверсе отливались и после 867 г. [ср.: Грандмезон 1986, с. 211].

С чем спорить не приходится, - явное увеличение выпуска расходной медной монеты и сохранение известной равномерности этих выпусков указывает на стремление, мало того, даже острую необходимость удовлетворить потребности растущих товарно-денежных отношений на внутреннем рынке и на особое положение столицы фемы [Белова-Кудь 1953, с. 256-257; Гилевич 1973, с. 29; Гилевич 1974, с. 93; Романчук 1981, с. 326; Соколова 1983, с. 112]. Может быть, таким образом имперскими властями отчасти компенсировались расходы херсонитов, неизбежно увеличившиеся в связи с их активным участием в мероприятиях по укреплению и развитию вновь организованной фемы? Достаточно вспомнить факты строительной деятельности казенного характера, которые около середины и конца IX в. велись на подступах к Херсону (Бакла, Чуфут-Кале, Эски-Кермен) [Айбабин 1999, с. 218] и в самом городе (появление монументального комплекса претория в цитадели) [Айбабин 1999, с. 216]. Впрочем, за разрешением на особенно активный выпуск монет может проглядывать и политическая акция константинопольского правительства, таким своеобразным способом благодарившая за что-то своих подданных-херсонитов и власти их города. Не было ли это связано с недавним важным, редким событием - обретением мощей св. Климента в начале 861 г. и состоявшимся в конце 867 г. перенесением их в Рим, дабы получить столь важную тогда для Василия Македонянина и патриарха Игнатия поддержку Римской церкви? Нельзя не согласиться с И.Франко в том, что это был «политический акт в ряду других, симптом перевеса одной из тех партий, которые боролись в самом

указание на конкретный провинциальный имперский монетный двор, а не на «право полисной чеканки» некой «муниципальной организации города» с ее якобы «древними заслугами и привилегиями» [ср.: Орешников 1905, с. 365; Анохин 1977, с. 115, 125-126; Соколова 1983, с. 38, 114; Гилевич 1991, с. 217-218].

Константинополе за и против Фотия» [Франко 1904, с. 196]. Поскольку херсонеситы так или иначе оказались причастны к нему, их не должен был миновать отказ в монаршей милости. Ведь не случайно на территории Византийской империи этого времени пока неизвестно других провинциальных монетных дворов кроме Сиракуз и южноиталийских, которые тоже принадлежали к передовым форпостам византийцев против «варваров» [Романчук 1981, с. 326, табл. 3; Соколова 1983, с. 112, 113]. Предположение Джозефа Меткалфа о возобновлении работы некоторых фемных официн на Балканах и в Малой Азии в правление Феофила (829-842 гг.) разделяется не всеми специалистами и нуждается в дальнейшем обосновании [Metcalf 1966, p. 25-28]. Как бы то ни было, монетный двор «столицы» крымской фемы, наравне с другими действовавшими немногочисленными провинциальными официнами, тоже ставился в особое, но отнюдь не уникальное положение. В начале X в. здесь мог быть даже осуществлен небольшой выпуск серебра. Во всяком случае Н.Н. Мурзакевич упоминал в 1878 г. о находящейся в коллекции ООИД херсонской серебряной монете василевса Александра (912-913) [Мурзакевич 1879, с. 318]. Очевидно, вследствие удовлетворения потребности рынка в монете, выпуск последней к этому времени сократился, но затем, с начала 20-х гг. X в., опять увеличился и к середине века, ко времени правления Романа II (959-963), достиг своего апогея (421 монета на год правления), после чего интенсивность выпуска снова упала [см.: Гилевич 1964, с. 154].

Сфрагистические материалы не оставляют сомнения в том, что таможенно-налоговая служба раннесредневекового Херсона, центра и архонтии, и фемы, входила в систему государственных апофик, а с 730/731 г. - императорских коммеркий Византии. Как и у Сугдеи, она была ориентирована на административно-таможенные округа и посты Константинополя и северного побережья Малой Азии. После прекращения действия в Таврике системы византийско-хазарского кондоминиума, а конкретно - с момента образования фемы, здесь появляются собственно коммеркирии Херсона. Массовые находки свыше 120 моливдулов, почти треть от всех обнаруженных на городище византийских печатей, зафиксированные как случайные находки в море в 1991 г., а затем 1994-1995 гг., позволяют предполагать, что здание администрации местного таможенного поста с архивом документов было сооружено не позже середины VII в. на 10-метровом отвесном скальном восточном мысу у самого входа в устье Карантинной бухты, где поблизости, на расстоянии двухсот метров, располагался порт и припортовый рынок - малая агора, упоминаемая в Житиях свв. епископов Херсонских.

Все находки печатей, таможенных пломб, их заготовок, как и в Сугдее, происходят с небольшого участка (5x50 м) со дна вдоль берега, где оказались после подмыва и обрушения кромки мыса. По самому краю обрыва проходят остатки 27-ой крепостной куртины второй половины IX в., рядом с которой находилось здание поста, откуда было удобно следить за кораблями, входившими и выходившими из гавани. На расстоянии двух десятков метров к северо-западу от этого места располагалась площадь - бывший языческий теменос (священный участок)

с просторной трехапсидной Восточной базиликой, возведенной, как и большинство остальных, в конце VI-начале VII вв., и начиналась главная улица города, соответствовавшая знаменитой константинопольской Меси («Средней»). По берегу, несколькими продольными улицами восточного региона, известного по Житиям свв. епископов Херсонских как «Феоны» (ta Theona), можно было быстро попасть в порт. Эта «Феоны» простиралась от так называемой маленькой агоры недалеко от Южных («Мертвых») ворот до места, называвшегося прежде Парфенон, где был заложен и «доныне» (mechri tes deyro), то есть до раннего средневековья, когда писались тексты Житий, существовал храм апостола Петра [Латышев 1906, с. 62, гл. 17; Страдания святых священномучеников 1907, с. 112; Сорочан 2002, с. 37-38]. Последний вполне может быть идентифицирован с упомянутой трехапсидной базиликой, одной из самых больших церквей Херсона.

На таможенном посту в «Феоны» на протяжении VII-XI вв. регулярно велась регистрация судов, грузов и сопроводительных документов - моливдулов, снабженных печатями камеркиариев, логофетов, экдиков, хартулариев, а также «отцов города», киров, архонтов, стратигов и епископов Херсона. По данным Н.А.Алексеевко, обрабатывающего коллекцию, самые ранние из этих печатей относятся к 40-50-м гг. VII столетия, но особенно они многочисленны для конца VIII в. - 80-х гг. IX в.¹⁷ Следовательно, именно в это время деятельность чиновной контрольной и таможенно-налоговой службы города стала наиболее интенсивной.

Все это тоже свидетельствует об отсутствии длительной заброшенности города, его глухой отгороженности от внешнего, в том числе заморского мира. Было бы неверным согласиться с мало обоснованным выводом о его жалком затворническом существовании, который появился вследствие поверхностного, недостаточно критически воспринятого знакомства с соответствующими агиографическими и эпистолярными источниками - письмом Анастасия библиотекаря, «Житием Константина / Кирилла», «Словом на перенесение мощей преславного Климента» и Итальянской легендой [ср.: Якобсон 1954, с. 154-155; Якобсон 1988, с. 166; Пиоро 1990, с. 85]. Даже свидетельства бывшего ссыльного Митрофана Смирнского и «отчета»(сжатой истории - *brevis historica, storiola, historica narratio*) Константина Философа, положенного в основу ряда источников, надо принимать с известной долей осторожности. Не говоря уже о том, что Митрофан мог попросту сгустить краски о «плотых разбойниках» вокруг Херсона, чтобы рельефнее стали видны его заслуги «страстотерпца», картина тотального и регулярного варварского прессинга, доходящего до полной изоляции горожан, вызывает сомнения в своей правдоподобности, если представить, что он непрерывно продолжался десятилетиями. Скорее, мы имеем дело с отражением в нарративных источниках каких-то эпизодичных тревожных моментов, тех, что все

---

¹⁷ Приношу благодарность Н.А.Алексеевко, любезно поделившемуся со мной результатами пока еще не опубликованных исследований.

чаще случались в 50-х гг. IX в., когда византийско-хазарские (венгерские) отношения вступили в плоскость опасного состояния «ни мира, ни войны». Возможно, что воспоминания Константина Философа, переданные Анастасием библиотекарем, явились отзвуком конкретной ситуации, когда приближение врага к городу заставило часть жителей разбежаться по окрестным горам и лесам¹⁸, а оставшуюся немногочисленную часть (*non plurime plebe*) - искать убежища за оборонительными стенами, ставшими для них на какой-то момент одновременно единственным убежищем и тюрьмой. К примеру, современники херсонитов - малоазиатские анкирцы в 838 г. спасались во время арабского рейда в своих соляных копиях, которые для них, понятно, тоже были не лучше тюрьмы [Васильев 1900, с. 36]. Сходным образом чувствовали себя и зихи, находившие в IX-X вв. убежища на островках около восточночерноморского побережья во время нападений аланов [Константин Багрянородный 1989, гл. 42. 103-108, с. 174-177]. Следует обратить внимание, что, согласно показаниям все того же Митрофана Смирнского, он жил в самом конце 50-х гг. IX в. не в городе, а «у Херсона» (*penes Cersonam*), то есть недалеко от него. Жизнь не пресеклась в его окрестностях, и не даром письменные источники говорят о том, что «вся та часть Херсонского края (области) (*tota illa pars Cersonicae regionis*)», то есть северо-западная оконечность Гераклеяского полуострова, где находилось заброшенное место с могилой св. Климента, вследствие многих нападений варваров (*multitudinem incursantium Barbarorum*) и все увеличивающихся со всех сторон толп язычников (*et crescente circumquaque multitudine paganoru*) была лишь «почти покинута и сделалась необитаемой» (*prope modum desolata est; fere desolata et inhabitabilis reddita*) [Ягич 1893, с. 6, sec. 2; Vita cum Translatione S. Clementis 1911, p. 143, sec. 2]. То есть даже в экстремальных условиях она опустела не полностью, не говоря уже о других местах. К примеру, находки слоя с ранней поливной керамикой в балке Бермана на раннесредневековом поселении, устроенном в свою очередь на месте крупного античного архитектурного комплекса, указывают на сохранение жизнедеятельности в этом юго-восточном районе Гераклеяского полуострова, по крайней мере, к концу IX в. Внутри античной ограды из массивных каменных квадров строили новые помещения, во время раскопок одного из которых было обнаружено надгробие VIII-IX вв., сообщавшее об упокоении раба Божьего (Гурия?), сына Стефана [Гриневиц 1928, с. 45-47, 63-71].

Сам Херсон не находился в зависимости от хазар, как давно и необоснованно полагают некоторые исследователи [ср.: Юргевич 1886, с. 7-8]. Даже его соседство с Хазарией весьма условно. Анастасий библиотекарь и составитель Итальянской легенды лишь стремились передать информацию Константина Философа о том, что это был просто ближайший к хазарам византийский город,

¹⁸ Описывая нападение авар и славян на Фессалонику в 586 или 597 г. архиепископ Иоанн отметил, что «конечно (без сомнения - *amelei*), скорее спаслись те, кто убежал за пределы [города], чем решившие бежать в город» [Чудеса св. Димитрия 1995, с. 108. 19-20, § 127].

транзитный пункт на пути в Хазарию, каковым он являлся и двадцать лет назад, при Петроне Каматире [Цукерман 1997, с. 313-315]. Его обитатели, случалось, покидали стены и удалялись от них на 10-12 км, как это случилось во время путешествия на остров в Казачьей бухте и при торжественной встрече перед городом мощей св. Климента [Слово на перенесение мощей 1990, с. 314]. Посланец василевса, несмотря на присутствие хазарского военного отряда, ведшего военные действия недалеко от Херсона, смог беспрепятственно добраться до некоего «христанского града», со временем посетил «народ фульский», а занимаясь розысками остатков храма с гробницей святого, «неоднократно (много раз) уходил и возвращался» (*pergens ac rediens frequentaret*), то есть регулярно обследовал окрестности города, вел разговоры с местными жителями, что опять-таки противоречит буквальному представлению одного из информаторов Анастасия о херсонитах как о вечных «*carceris habitatores*» [Моравско-паннонские Жития 1930, с. 1-36, гл. VIII, XII; *Epistola Anastasii* 1911, р. 141, § 3; cf. § 2]. Вполне можно согласиться с Ю.М.Могаричевым, что «все это не соответствует утверждениям о постоянном нахождении врагов в ближайших окрестностях» [Могаричев 2002, с. 52-53].

Несмотря на периодические столкновения с «варварами», «язычниками» - хазарами, венграми и своеобразное полуосадное положение города, вероятно, ставшее на какое-то непродолжительное время по сути дела хроническим, Херсонес, похоже, не испытал значительного упадка, а в последней трети IX в., когда конфронтация пошла на убыль, явно оживил свою торгово-экономическую деятельность [Айбабин 1999, с. 221]. Видимо, выручил испытанный прием: недостаток сельскохозяйственной продукции заставил горожан еще более интенсивно, чем прежде, развивать рыбный промысел, что отразил русско-византийский договор 944 г., подтверждавший в особой клаузуле безопасность херсонских судов («*корсуняны рыбы ловящя*»), регулярно курсировавших между Днепровским лиманом и Херсоном, и признававший власть Империи над постоянными поселениями херсонитов в низовьях Днепра [ПСРЛ 1926, стлб. 51; Шестаков 1908, с. 74-75; Кулаковский 1914, с. 84-85; Приселков 1939, с. 101].

В городе строили новые рыбозасолочные цистерны, о чем свидетельствуют раскопки в портовом квартале 1 (цистерна № 91); еще не менее девяти цистерн (№ 34, 35, 47, 48, 60-62, 93, 96) могли продолжать использовать в разных местах городища [Романчук 1973, с. 46, 51-52; Романчук 2000, с. 92-94, 97-101]. К примеру, цистерна № 61 из рыбозасолочного комплекса в северо-восточном районе Херсона, была засыпана не раньше 40-х гг. XI в., судя по находке на ее дне монет Василия I и Константина IX [см.: Золотарев 1977, с. 27-32; Кудь-Белова 1931, с. 143]¹⁹. Монеты IX-X вв. и обломки белоглиняной поливной посуды были встречены и во время раскопок некоторых цистерн в примор-

---

¹⁹ Объем трех цистерн, входивших в состав только этого комплекса, превышал 120 куб. м, то есть в них можно было единовременно переработать 900-960 ц рыбы.

ских северных кварталах города [Белов 1932, с. 61]. Г.Д.Белов полагал, что в квартале XXIX действовали две рыбозасолочные цистерны: одна из них, малая, была раскопана во второй половине VI в., в период строительства соседней «Базилики 1932 г.», а другая перестала использоваться по первоначальному назначению и была превращена в мусорную яму. Однако он сам пишет в отчете об одинаковой керамике IX-X вв. и монетах (одна - Василия I и 23 - Романа I), которые были находимы на разной глубине [Белов 1976, л. 5-6, 8-9 (цистерны П-1 и П-2)]. Следовательно, засыпь была произведена одновременно и произошло это, судя по корреляции находок в слое, не ранее второй половины X в. Засыпь двух цистерн, находившихся к востоку от «храма с ковчегом», содержала обломки красноглиняных амфор с зональным рифлением, фрагменты ручек и венчиков высокогорлых кувшинов, обломки белоглиняной поливы, что может говорить о времени не ранее второй половины IX в. На то же указывает материал еще двух соседних цистерн (№ 2 и № 3) [Отчет о раскопках 1970, л. 19-20, 85-86]. Радиоуглеродный анализ органических остатков из них, произведенный Л.В.Фирсовым, тоже дал схожие даты (885 - 40 лет; 795 - 35 лет) [Отчет о раскопках 1970, л. 110]. Судя по находкам кувшинов с плоскими ручкам и амфор X-XI вв., в это время оказалась засыпана большая рыбозасолочная цистерна (4х4,4х3,2 м) в квартале VI, сравнительно недалеко от комплекса Уваровской базилики - католикона [Золотарев 1984, л. 8-9]. Еще две смежные цистерны (5а и 5б), найденные в 1986 г. в соседнем квартале VII, рядом с агорой, имели размеры 3,4х2х2,25 м и 3,4х1,65х2,19 м. Их засыпь содержала на дне обломки амфор и поливной керамики X в. [Кругликова 1986, л. 31-33]²⁰.

Рыбу держали и, видимо, засаливали не только в цистернах. Так, на месте позднеантичного дома с винодельней на северном берегу было сооружено во второй половине VI в. новое здание с иной планировкой помещений, за исключением обширного подвала, пользование которым продолжалось вплоть до XI в. В нем стоял один большой пифос посередине и возле стен - шесть пифосов средней величины, высотой около 1,5 м. Найденные при раскопках большое количество вара («несколько пудов»), рыболовные крючки, железный якорь и комплект грузил для сетей позволяют заключить, что жители дома занимались морским промыслом и имели суда, для заливки швов которых употреблялся вар [Белов 1948, л. 30-32]. Море, недоступное для варваров, как всегда выручало, делилось своими богатствами, открывало дороги в большой мир Романии. Рыбозасолочный промысел, как всегда тесно связанный с соляным²¹, несмотря на сезонность, сохранял товарный характер, что неизбежно предполагает наличие специалистов раз-

²⁰ Видимо, список рыбозасолочных цистерн Херсонеса, составленный А.И.Романчук, нуждается в уточнении. Он превышает цифру 101 и должен быть расширен по меньшей мере до 110 [ср.: Романчук 2000, с. 97-101].

²¹ Подробнее о салинах херсонитов в «заливах и бухтах» (limnai kai limenes), которые располагались «посреди (в середине, между, в промежутке)» (en to meson) расстояния от Херсона до Днепа

личных производств: керамистов, строителей, мастеров по изготовлению оснастки, плотников и др. Недаром неизвестный инок Психаитской обители, составивший после 843 г. Житие Иоанна Психаита, сосланного в Херсон Львом Армянским (813-820), отмечал, что в город, «расположенный около Боспора» (*diathemenos epi Chersona ten polin chorei ten parakeimenen te Bosporo*), стекались «народы, жившие попутно Боспору (*ton parakeimenon ethnon te Bosporo*)», а среди тех, кто общался с преподобным, ждал от него совета, исцеления, возносил ему хвалу, были местные мастера, торговцы, промысловики - некий моряк или рыболов (*alieus* - «морской») Исидор, медник (*chalkeus*) Анастасий, который вылечившись, снова занялся своим ремеслом [La Vie grecque de S.Jean le Psichaitе 1902, p. 118-120, § 8-9; Лопарев 1913, с. 11-12; Лопарев 1914, с. 235-236]²². Даже прекращение строительства и использования рыбозасолочных цистерн после X в. можно объяснить не падением роли рыбного промысла, оставшегося в хозяйстве Херсона, а прекращением засолки основной с первых веков н.э. промысловой рыбы - хамсы, особенно черноморского анчоуса (*Engraulus encrasicolus*), служившей главным образом для изготовления соуса - гарона, что, по данным эколого-географических исследований, могло оказаться связано с изменением направлений миграций и количества рыбных стад вследствие похолодания климата и изменения уровня моря [Романчук 2000, с. 94-96; ср.: Кадеев 2000, с. 74-76, 83-84]²³.

ра, и о способе добычи соли выволакиванием из озер и специальных бассейнов, его связью с разработкой лесоматериалов, развитием гужевого транспорта и существованием соответствующих судов, лодок «соляного флота» см.: [Константин Багрянородный 1989, гл. 42, с. 174. 69-71; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 415-416]. По мнению В.А.Кутайсова, промысел развивался с IV в. до н.э. на основе обширной группы соляных озер между Евпаторией и Бакальской косой, то есть не выходил за пределы Крыма [Кутайсов 2002, с. 153-154]. Примечательно, что именно в этом районе, на Тарханкутском полуострове, около с. Окуновка Черноморского района на берегу моря были найдены остатки маяка IX-X вв., представлявшие собой постройку в виде стены, протяженностью 18 м, к которой со стороны моря примыкало дважды перестраиваемое полу-круглое помещение, наполненное значительным количеством золы. Неподалеку находился колодец того же времени, который перестал функционировать после того, как его преднамеренно завалили трупами животных [Кутайсов 2002а, с. 158-159]. Вероятно, маяк в первую очередь был необходим херсонитам - соледобытчикам, вывозившим из этого района соль морем. К этому можно добавить, что разработка небольших самосадных и солончаковых озер, лиманов велась издавна и в ближайших окрестностях Херсонеса, в районе Песочной, Круглой, Камышевой, Качьей бухт, Маячного полуострова, на северной стороне современного Севастополя, где добыча соли осуществлялась по меньшей мере с конца эллинистического периода до XIX в. включительно [Кадеев 2000, с. 56-57; Марченко 1996, с. 21-22]. Соляные источники были также в районе Сиваша (Белов 1959, с.179). Все это соответствует понятию «середины» между рекой Днепром и Херсоном (*apo men tou Danapreos potamou mechri Chersonos*).

²² Это свидетельство, далеко не единственное, должно быть воспринято и как показатель отхода широких народных масс, в том числе торгово- ремесленных, предпринимательских кругов, от той истовой поддержки иконоборчества, каким отличался его первый этап, который, по выражению Р.Дженкинса, можно рассматривать как разновидность протокальвинизма или протопуританизма [см.: Jenkins 1966, p. 68; Сорочан 1992, с. 92-101].

²³ Уже К.К.Косцюшко-Валюжинич обратил внимание, что рыбозасолочные цистерны оказались засыпаны в «верхнем», то есть позднесредневековом городе, тогда как многие из них еще функционировали в «византийское время». Объяснение этому он находил в увеличении числа город-

Наиболее распространенными в «темные века» стали мелкие и средние корабли вместимостью от 1000 до 10000 модиев (6-60 рег. т.), длиной от 4 до 13 м (9-40 локтей), изготовить которые можно было в любом заурядном портовом городе [Сорочан 1997, с. 77-80]. Херсон, как и раньше, несомненно, имел свои собственные суда, лодки, а значит, должен был располагать базой для их строительства, ремонта, оснастки. Даже в зимнее, несудоходное время, когда морские поездки предпринимались крайне редко, было проще, а, учитывая тревожную подчас обстановку в округе, безопаснее пуститься в плавание к окрестным берегам, и не рисковать подвергнуться нападению врагов на суше. Направляясь 30 января 861 г. к Казачьей бухте разыскивать мощи св. Климента Римского, архиепископ Георгий, Константин Философ и сопровождавшие их воспользовались судном (*tranquillo mari navi ingressi*), а, согласно Пространному Житию Константина, «сели на корабли» [*Vita cum Translationes S. Clementis* 1911, р. 143, § 3; Слово на перенесение мощей 1911, с. 129, гл. 10 («в корабль блаженую раку на главъ неся»); Житие Константина 1981, с. 78, гл. 8; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 662-663]. На корабле же Константин покинул Таврику и отправился из Херсона к Азовскому морю, в Хазарию [Житие Константина 1981, с. 78, гл. 9]²⁴. *Chersonitika karabia* с их навами и эпиватами, задолго до того, как Константин Багрянородный написал о них, проторили дорогу к столице империи, не говоря уже об Амастриде, Синопе, Амисе и других значительных портовых центрах побережья фем Пафлагонии, Вукеллариев, Армениака и Халдии (если учесть указание на «оконечности (бока) Понта» - *kai plagitika tou Pontou*) [Константин Багрянородный 1989, с. 274, гл. 53. 514 - 521].

Надо полагать, собственность на эти *Chersonitika karabia* принадлежала как частным судовладельцам, так, возможно, и городу. Примеры такой практики эксплуатации судов представляет раннесредневековая Фессалоника, тоже жившая в значительной мере за счет активной морской торговли и перевозок. Так, во второй части Чудес св. Димитрия сообщается о посылке летом 676 или 677 г. архонтами и горожанами судов для закупки продовольствия. Из рассказа следует, что сами городские власти могли принимать такое решение, касавшееся всех «оставшихся в остатке судов» (*yroleiphthenta skeyn*), причем среди них было 10 больших транспортных кораблей (*deka karabon*), присланных от василевса, а также местные «однодревки» (*monoxyla*) [Lemerle 1979, р. 214; Malingoudis 1990, S. 145-154]. «Фессалоникские небольшие суда - акатии» (*kai aper egon Thessalonikes akatia*) упоминал Никифор в связи с событиями начала VIII в.

ского населения и плотности застройки, заставившем дорожить каждым клочком земли [Производство археологических раскопок 1892, с. 13].

²⁴ Прежде, два десятка лет назад для связей с Хазарией херсониты использовали и гребные суда (*kamatera karabia*), пригодные для плавания по Дону [Константин Багрянородный 1989, гл. 42. 33-34]. Теперь такие контакты затруднились, но не исчезли совсем, а значит, можно подозревать сохранение в составе херсонесского городского флота этого дорогостоящего вида водного транспорта.

[Nicephori 1880, p. 56. 14-15]. Иоанн Камениата, описавший набег арабского флота Льва Триполийского на Фессалонику в 904 г., тоже упоминал о кораблях, на которых эмпоры возили зерно и которые «принадлежали городу» [Ioannes Cameniatas 1838, p. 573. 6-8]. Часть их была затоплена перед входом в гавань до начала осады, причем, согласно арабским источникам, число только этих судов достигало 6-7 десятков, тогда как оставались невредимыми другие фессалоникские транспортные корабли, в итоге использованные арабами для перевозки многочисленных пленников и награбленной добычи [Иоанн Камениата 1959, с. 197-198, 239, комм. 2 к гл. 61]. Следовательно, городские власти имели право выступать как владельцы особых торговых флотилий, которые предоставлялись в пользование предпринимателям.

Железные корабельные части, гвозди, скобы, кольца, цепи и якоря могли изготавливать в городских кузницах, канаты, как и веревки, необходимые в любом хозяйстве не только для морского дела, - в эргасториях местных канатчиков, закупавших на стороне пеньку и серу для окуривания своей продукции, а вот паруса, новые и старые, периодически рвавшиеся и требовавшие обновления, шили особые специалисты, избравшие этот доходный вид промысла.

Городское производство было рассчитано прежде всего на удовлетворение потребностей местного рынка. В частности, на это указывает то обстоятельство, что подавляющее большинство плоской кровельной черепицы (керамид), полукруглых калиптеров, керамической тары и посуды (амфоры, фляги, тарные ведрообразные и горшкообразные сосуды, кувшины, ойнохои, кухонные горшки, миски, тарелки, горшочки, лутерии, блюда, сосуды на широкой подставке, «сковородообразные сосуды»), а также индивидуальные изделия были херсонского производства - изготовлены порой из идентичного глиняного теста и иногда несут следы брака [Седикова 1993, с. 135; Седикова 1994, с. 64-65; Седикова 1997, с. 72-73; Седикова 1997а, с. 12-18]. Специфичной для Херсона, а также для сельских центров Юго-Западной и Юго-Восточной Таврики стало производство черепицы меньшего по сравнению с прежним размера (40-41х32-35 см), с высоким ботиком (до 3,5 см, при толщине керамид около 1,8-2,2 см), иногда ангобированной, и с оттиснутыми во время формовки метками в виде букв греческого алфавита, монограмм, крестов, пентограмм, схематичных изображений животных, птиц, всадников, что указывает на новые приемы организации работы местных гончаров, появившиеся в это время²⁵. Соответственно уменьшились в размерах и изготавливаемые в тех же эргасториях калиптеры (длина 46-48, ширина 30-35 см, высота полукруга 3,5-4 см) [Романчук 2000, с. 121, рис. 42,3-5].

На сохранение собственного виноделия указывает то, что в ближайшей

---

²⁵ Метки вырезали только на деревянных формах, с помощью которых изготавливали и одновременно метили большие партии черепиц. Поэтому маловероятно видеть в них знаки - клейма мастеров или мастерских, ибо в этом случае появление их следовало бы ожидать и на других видах керамической продукции [Ср.: Якобсон 1979, с. 98 сл.; Романчук 2000, с. 121-122, 129-130, рис. 43; 44,2; 45].

округе Херсона действовали гончарные мастерские по производству амфор. Наличие одной из них можно подозревать во второй половине IX в. за городом, на восточном берегу Карантинной бухты, где А.Л.Якобсон отметил массовое скопление обломков амфор с зональным рифлением [Якобсон 1964, с. 62; Якобсон 1979, с. 31, рис. 12,4,5; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, с. 70-71, № 31, рис. 40]. В ходе подводных исследований в 1965 г., а затем во время дноуглубительных работ в декабре 1979 г. около западного берега Карантинной бухты тоже были зафиксированы следы гончарного производства. К югу от небольшого мыса, образующего рукав бухты, на расстоянии 20-25 м вдоль береговой линии и на 15-17 м в глубину донные отложения оказались очень насыщены обломками керамики IX в., особенно фрагментами однотипных амфор с зональным рифлением, некоторые со следами брака, полученного в процессе обжига. Это позволяет считать, что именно здесь, недалеко от некрополя и в сотне метров от комплекса храма Влахернской Богоматери, находились гончарные печи, притопленные в позднейшее время в связи с поднятием уровня моря [см.: Кадеев 1965, л. 110-111; Золотарев 1979, л. 10-11, рис. 28-33]. Большая печь прямоугольной формы (4,6х4,15 м) для обжига тарной керамики, как попыталась уточнить Л.В.Седикова, действовала около середины IX в. близ башни I западной оборонительной линии Херсона, в Песочной бухте, неподалеку от античного Керамика, а другая, примерно в два раза меньших размеров, - для обжига не только амфор, но и столовых кувшинов, мисок, кухонных горшков, была устроена, - возможно, во второй половине того же столетия в районе Радиогорки, на противоположном Херсону берегу Севастопольской бухты [Седикова 1994а, с. 434-440; Седикова 1997а, с. 11-12; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, с. 68-70, № 29-30, рис. 36-39]. Обе печи были сложены из песчаника и сырцовых кирпичей, причем печь в районе Радиогорки использовалась особенно долго, на что указывают следы трехкратного ремонта.

Нередко в таком удаленном от жилья расположении гончарных мастерских исследователи видят сохранение городом античной традиции вынесения производственных комплексов, особенно связанных с огнем, исключительно за пределы крепостных стен²⁶. Однако промысловые комплексы, эргастии, в том числе пожароопасные, существовали в самом городе и в эллинистическое, и в римское время, и после IX в.; подобные случаи встречались и в других византийских городах, а законодательство было нетвердо и непоследовательно в отношении запретов на размещение «экологически грязных» производств в жилой зоне [подр. см.: Сорочан 2001, с. 129-136]. Следует учесть, что некоторые ремесла нуждались в обильном водоснабжении, возможном не в любом месте и не в любом городе [Bouras 1981, p. 649]. Поэтому мастера были вынуждены приспособ-

²⁶ Применительно к Херсону это положение особенно активно и последовательно уже давно отстаивает А.И.Романчук, пытающаяся апеллировать к неким «правилам, регулирующим городскую застройку» [см.: Романчук, Белова 1987, с. 52-68; Романчук 1994, с. 57-58; Романчук 2000, с. 103, 105; ср.: Седикова 1997а, с. 12, 18; Плетнева 1999, с. 158-159].

сабливаться к тем условиям, которые диктовал природный, геоэкологический фактор. Очевидно, охотнее других покидали пределы города именно гончары, для которых близость к источникам сырья - обильным выходам пластов глины, воде, песку, топливу - была более важным, чем эргастрий в бойком месте, среди жилых кварталов. По этой же причине гончарные мастерские с обжигательными печами оказывались иногда удалены от жилья даже в византийских деревнях VIII-IX вв., чьим обитателям было невдомек соблюдать «античные предписания» [Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, с. 52-72].

Конечно, не одна боязнь пожаров заставляла херсонитов из столетия в столетие поддерживать существование обоих своих Керамиков - около Песочной и Карантинной бухт [ср.: Марченко 1996а, с. 26-28]. Но наличие их не исключало размещение подобных мастерских в самом городе. Так, раскопками И.А.Антоновой в 1957 г. на западной оконечности городища, около 4-й куртины, открыта ранневизантийская мастерская, выпускавшая амфоры [Романчук 1976, с. 23]. В 1910-1911 гг. Р.Х.Лепером был раскопан производственный комплекс с двумя большими круглыми обжигательными печами раннесредневекового времени (не позже IX-X вв.) в III квартале Северо-Восточного района городища [Гриневич 1931, с. 81-86; Якобсон 1950, с. 78, рис. 29]. Примечательно, что рядом с одной из печей, под вымосткой из каменных плит была обнаружена гончарная печь эллинистического времени. Следовательно, это место было исконно занято керамическим производством, несмотря на то, что оно размещалось в одном из самых старых и густонаселенных городских районов.

Железоделательное, литейное производство было гораздо гибче и проще связано с доставкой к мастерской необходимого сырья, поэтому находки его на территории города еще более часты. В слое разрушения раннесредневековых домов в XXVIII квартале в северном районе Херсона, недалеко от пересечения XIII поперечной улицы с продольной, оказалось огромное количество кусков железного шлака, большинство из которых имело овальную форму, округлую поверхность с одной стороны и плоскую с другой [Белов 1969, л. 6-9]. Основная масса их лежала в черной земле на полу помещения 3, где, вероятно, находилась мастерская с печами для плавки железа, позднее разрушенная. Материал слоя, сопровождавший шлак, не выходит за пределы IX-X вв., когда, очевидно, существовал эргастрий, предназначенный для «горячего» производства - выплавки чугуна из руды. К слову, результаты анализов показали, что руда не относилась к керченским месторождениям. Здесь же, в подвале помещения 5, оказался массивный железный предмет с плоской стороной 10x11 см, сужающейся к концу до 6x6 см, высотой 17 см, скорее всего, наковальня [Белов 1969, л. 11]. В том же северном районе, в квартале X «А», в слоях, содержавших материалы IX-X вв., на месте помещения средневековой усадьбы в 1991 г. найдено более 30 обломков глиняных льячек для цветных металлов, что указывает на существование где-то здесь мастерской литейщика, которая не могла функционировать без печи [Рыжов 1991, л. 8]. Крупные камни (длиной 0,40 и 0,55 м) со следами дли-

тельного воздействия огня, куски спекшегося шлака, обрезки листовой меди, проволоки, изделия из железа - продукты деятельности еще одной металлообрабатывающей мастерской того же времени были обнаружены во время раскопок Е.Г.Сурова в 1958-1960 гг. в помещении с подвалом около западной античной оборонительной стены, то есть в пределах средневекового города [Суров 1960, л. 20-26, 38-39; Суров 1961, с. 98]. Следы ранневизантийской литейной мастерской прослежены раскопками И.А.Антоновой в «цитадели».

Таким образом, связь с огнем и неудобство тех или иных эргастриев для жителей были только одним и не самым важным поводом к «выселению». Гораздо чаще к этому, как и в античную эпоху, подталкивали объективные профессиональные обстоятельства.

В комплексах Херсона первой половины IX в. встречается не менее пяти типов амфор местного производства, тогда как импортная тарная керамика практически отсутствует [Романчук, Сазанов, Седикова 1995, с. 50-52 (класс 24-25), 59-61 (класс 33, 36-38), 63 (класс 41); Седикова 1997а, с. 11-12 (тип I-VII), 21]. Согласно наблюдениям Л.В.Седиковой, ко второй половине IX в. количество типов производимых амфор уменьшилось до двух, сократился ассортимент и столовой посуды, что, однако, указывает лишь на большую стандартизацию производимой керамики [Седикова 1997а, с. 18]. Впрочем, к столовой посуде это относится в меньшей степени, ибо она все же отличалась разнообразием форм и многовариантностью в пределах определенных типов изделий.

Нет сомнений, что в Херсоне трудились искусные ремесленники по металлу [Romanuk 1992, S. 208]. Для выплавки железа они, как и прежде, использовали тяжелые железистые конкреции, вымываемые из известняка крымскими горными речками и ручьями, но были крайне заинтересованы в поставках сурьмянисто-цинковых руд из месторождений Малой Азии в районе Синопа, Амастры (Амастриды), а также слитков меди, свинца, серебра, готовых вещей из них или лома через южночерноморские порты [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 417; ср. Романчук 1976, с. 31-32 (автор полагает, что железо херсониты получали из местных низкокачественных болотных руд)]. Эта оторванность от источников сырья обрекала их на зависимость от обстановки, менявшейся как в Юго-Западной Таврике, так и на территории Византийской империи. Тем не менее, в слоях IX-X вв. постоянно встречаются если не целые предметы, то обломки, части, куски каких-то изделий, поделок из железа, меди, бронзы. В это время, не позже конца IX в., в портовом квартале 1 действовала кузница с тремя сыродутными горнами, занимавшая огороженный двор размерами 5,7х4,6 м (более 26 кв. м) [Богданова 1991а, с. 129, прим. 7; с. 131, прим. 26; Романчук 2000, с. 112]. Одна из печей имела размеры 1,8х1,95 м (3,51 кв. м) и была заполнена чередующимися слоями древесного угля и железного шлака. В другом горне оказался шлак с перегорелой золой, тоже указывающий на изготовление криц. Наличие сразу нескольких печей легко объяснимо тем, что при сыродутном способе варки увеличение производства металла могло осуществляться только за счет увеличения

количества горнов и применения вместо дров древесного угля. К слову, необходимость в последнем позволяет предполагать существование местного промысла по выжигу угля. В одном горне сыродутного производства можно было выплавлять в час полукилограммовую крицу. Значит, пять часов работы херсонесской кузницы давали около 7,5 кг железа. А ведь она, разумеется, была не одна. Город был в состоянии обеспечить производство на продажу орудия для всех видов ремесленного труда, для сельского хозяйства, для рыбного промысла, оружие, конское снаряжение, якоря, цепи, предметы домашнего обихода.

То же самое можно сказать о работе с цветными металлами. Соответствующие эргастрии так разрушены, что реконструкция их почти невозможна, но руда, шлаки, тигли для плавки цветных металлов, льячки, каменные и глиняные формы - матрицы, а также масса самых разнообразных готовых изделий дает представление о товарном характере производства [Раскопки в Херсонесе 1902, с. 13, рис. 20; Якобсон 1959, с. 322-331, рис. 175, 178-181; Якобсон 1964, с. 67-68, табл. XIV, 3а-б; Белов 1976а, л. 22, рис. 37]. Среди изделий - проволока, рыболовные крючки, кольца, цепи, большие и малые кованые и литые сосуды, бронзовые подсвечники, переносные и подвесные шандалы, ставцы, лампадофоры, пуговицы, предметы христианского культа, складни - энколпионы, крестики, амулеты, многочисленные перстни, серьги, браслеты и т.п. Только за один археологический сезон в засыпи нескольких помещений XXVIII квартала, в слое второй половины IX-X вв. оказались найдены медный наперсток, спица для вязания сетей, стиль длиной 10,5 см, ключи с ажурными бороздками, крест из пластин, скрепленных заклепками и с гравированными кружками, цепочки, пуговица-бубенчик, обломки пластины, перстней, фибул, шипчики, рыболовные крючки, медная чашечка [Белов 1969, л. 7-8, 12]. Чистый свинец употреблялся для изготовления, очевидно, водопроводных труб, и особенно - для кольцеобразных грузил, подвешивавшихся к краям рыболовных сетей²⁷. А.Л.Якобсон полагал, что четыре больших скопления заготовок свинца в виде цилиндров и усеченных пирамидок (весом около 100-700 г), стержней, пластин, дисков, встреченные на месте раскопок одной или двух усадеб в квартале XV-XVIII на северном берегу в слоях IX-X вв., были связаны с домашним изготовлением «простейшего металлического инвентаря для рыболовства», но значительные размеры запасов (в его составе - самые крупные пластины 27х27 см, толщиной 4 см, диски диаметром до 18 см и толщиной 3 см, цилиндрические болванки высотой 9,5 и диаметром 5,7 см, треугольный в сечении стержень длиной 23 см со стороной почти 4 см и прочие более мелкие заготовки) не позволяют говорить о том, что они предназначались исключительно для отливки свинцовых колец-грузил и к тому же только в домашних условиях [Якобсон 1959, с. 292, 324-325,

---

²⁷ Кусок свинцовой трубы был найден в качестве лома вместе со свинцовыми пластинами во время раскопок на месте пом. 26, принадлежавшего раннесредневековой усадьбе в квартале XV-XVIII на северном берегу городища [Якобсон 1959, с. 324]. Свинцовые трубы использовали также в переставшей действовать около середины IX в. раннесредневековой бане на территории «цитадели».

рис. 176, 177; Якобсон 1964, с. 67]²⁸. Как уже указано, наряду с матрицами для отливки колец встречаются матрицы и для изготовления более сложных ремесленных поделок - крестиков, серег, явно рассчитанных для продажи на рынок. Часть этой продукции оказалась в могилах некрополя. Так, в склепах около Карантинной бухты вместе с монетами Василия I и Льва VI встречались простенькие бронзовые перстни с гладким щитком, бронзовые серьги в виде колец (с подвеской в виде виноградной кисти, «малой пуговки» или с характерной гранной поверхностью) [Отчет за 1907 год, л. 18 об. (склеп № 72/2403); л. 20 (склеп № 93/2405); л. 105 (склеп № 2405)].

Ювелиры Херсона использовали в своей работе золото, серебро, медь, латунь, бронзу, свинец, то есть весь спектр известных цветных металлов [подр. см.: Якобсон 1959, с. 322-331]. При этом приемы и методы металлообработки, как и прежде, мало менялись от столетия к столетию [Богданова 1991а, с. 24-27]. Они как бы застыли на одном уровне, передаваясь из поколения в поколение. Нечто аналогичное можно заметить в отношении организации и степени специализации производства. Его потребности диктовали как правило сочетание плавки металлов со слесарной работой, одновременную обработку железа и цветных металлов. Например, в упомянутой выше мастерской, устроенной не ранее IX в. в одном из шести помещений, скорее всего, производственного назначения, на территории монастыря св. Леонтия около прежней западной античной оборонительной стены, кроме кусков шлака, обгоревших больших камней, обмазанных глиной, мраморной ступки с выступами-ручками и сливным каналом (высота - 12 см, диаметр - 25 см, глубина - 10 см), были найдены четыре каких-то крупных железных предмета неопределенного назначения (один из них, наибольшей длиной 0,35 м, имел форму, напоминающую секиру), а также 8 обрезков тонкой листовой меди и нечто вроде «медальона» или «оптического прибора» в виде толстого, овального, выгнутого с одной стороны прозрачного литого стекла, оправленного двумя полосками листовой меди с орнаментом поверху в виде мелких рельефных полос [Суров 1960, л. 20-26, 38-39; Суров 1961, с. 98]. На ободке имелась сделанная из той же листовой меди дужка для ношения этой поделки на шнуре или цепочке (длина с дужкой - 6,5 см, без дужки - 6 см, ширина - 5 см, толщина - 1 см). По сути дела, перед нами не просто мелкая ремесленная работа с разными материалами, но и элементы ювелирного дела. Следовательно, херсонский эргастрий представляет сочетание кузницы, мастерской медника - хал-

²⁸ Руководивший раскопками Г.Д.Белов указывал на находки свинцовых заготовок в двух комплексах в квартале XV-XVIII (пом. 16-19 и пом. 25-28), но почему то считал их в одном случае предназначенными для продажи, а в другом - «на существование какого-то производства, с ними связанного» [Белов, Стржелецкий 1953, с. 86-88, 89-90, рис. 56]. А.И.Романчук полагает, что владельцы двух здешних усадеб являлись ремесленниками [Романчук 2000, с. 139]. Стратиграфия находок (на подошве слоя IX-X вв. и даже ниже) указывает, скорее, на IX в., чем на X-XI в., когда в этом районе перестраивались усадьбы и была возведена небольшая квартальная церковь-усыпальница [ср.: Талис 1961, с. 70].

кевса и ювелира. Правда, остается неясным количество работавших здесь специалистов и степень их профессиональной дифференциации. Одна печь и сравнительно небольшие размеры помещения позволяют предположить, что здесь, очевидно, под надзором монастырского начальства трудился один ремесленник-универсал по работе с разными металлами, владевший разными приемами и методами, делавший крупные и мелкие вещи, которому помогал в лучшем случае один наемный подмастерье или кто-то из членов семьи - сын, зять, либо другой коллега-ремесленник, трудившийся со своим компаньоном на паях, как обуславливал заключенный между ними договор кинонии.

Сочетание обработки черных, цветных и даже драгоценных металлов прослеживается и на некоторых других изделиях, вышедших из мастерских Херсона [см.: Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 422]. В то же время в городе явно были кузницы, где имели дело только с плавкой и ковкой железа. Однообразие, стандартная форма замков и ключей, изготовлявшихся в это время, тоже может служить указанием на наличие специализированных мастеров и, видимо, немногих слесарных эргастриев, где такую продукцию, совершенно необходимую для любого дома, делали на продажу [Талис 1961, с. 70]²⁹. Но так или иначе до сих пор в Херсоне не обнаружено ни одной узко-специализированной мастерской медника или аргирокопа - ювелира, хотя это не доказывает того, что их здесь не было вовсе.

В слоях IX-X вв. нередко встречаются обрезанные, специально заготовленные для дальнейшей обработки полуфабрикаты из кости и рога и готовые принадлежности для игр - шашки, фишки, кубики с врезными «очками» на всех гранях от одной до шести, астрагалы, а также пряслица, проколки, черенки ножей, стили с резьбой, двухсторонние гребни с мелкими и крупными зубьями, особенно впечатляющие высоким уровнем выполнения прямоугольные, треугольные, круглые пластинки для обкладки ларцов или каких-то иных изделий, с резными изображениями птиц и зверей или гравировкой, сделанные местными умельцами, знавшими толк в косторезном деле [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 87-88, рис. 40-41 (раскопки у южной галереи Уваровской базилики, перестраивавшейся в конце IX-X в.); Якобсон 1964, с. 71, табл. XVII,а-е; Белов 1969, л. 8-12, рис. 17-18; Белов 1973, л. 7, рис. 13; Белов 1975, л. 10, рис. 19-20; Белов 1976а, л. 22, рис. 23; Кадеев, Мещеряков, Сорочан 1982, л. 10, рис. 53; Золотарев 1988, л. 7-8, рис. 27, 29; Шаманаев 1997, с. 61-62]. Видимо, эта отрасль ремесла, не требовавшая больших затрат для ее организаторов, всегда пользовалась среди херсонитов особой популярностью. Некоторые разные изделия изобличают руку одного мастера [Талис 1961, с. 70]. Индивидуальность работы позволяла косторезу в большинстве случаев обходиться без помощника или наемного работника, почти обязательного в иных видах ремесла. Это снижало издержки производ-

---

²⁹ Подобные мастерские известны по американским раскопкам в ранневизантийских Сардах, где их обнаружили выходившими на главную улицу города [см.: Crawford 1990].

ства, делало его более рентабельным и поэтому привлекательным для мелких товаропроизводителей. Показательно, что в каждой из трех раннесредневековых могил, открытых в нартексе базилики 1932 г., оказались какие-нибудь подделки из кости: круглые шашки, пересеченные крестами, костяные бусы в виде полушарий с резными кружочками, костяной предмет с шипом [Якобсон 1959, с. 271, мог. № 18-20]. Ассортимент местных косторезов включал орудия труда, иглы для плетения сетей, приспособления для ткацкого и швейного дела, черенки ножей, наконечники стрел, накладные пластины для лука, петли колчанов и налучий, псалии и застежки конской сбруи, ларцы из наборных пластин, украшения для погребальных покровов, шпильки, флейты, свистки, игральные принадлежности и даже ключи и игрушки [Романчук 1981а, с. 84-105; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 432-435]. Примером последних может служить интересная находка в византийских слоях Херсона костяной куколки в виде женщины в длинной юбке, но без рук и ног, которые, судя по дырочкам в туловище, привешивались отдельно [Иванов 1912, с. 284].

Византия была читающей страной и через руки ее книгопродавцов - библиокапилов проходило немало рукописных книг, среди которых лидировали книги Ветхого и Нового Завета, а также книги святых и признанных проповедников и учителей, как это подчеркивал 58 канон Трулльского синода 681 г. [Деяния 1882, с. 304]. Особенно популярной книгой в VIII-IX вв. становится Псалтирь, который служил не только для нужд личного благочестия, но и для обоснования идейных позиций как иконоборцев, так и иконопочитателей, активно прибегавших к ней [Залесская 1997, с. 24]. Застежки от книг, находки которых встречались не раз во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в слоях византийского времени и в некоторых раннесредневековых погребениях, указывают на наличие в Херсоне переписки и изготовления книг, которые, соответствующим образом оформленные, представляли немалую материальную ценность. Опытный графевс или каллиграф-копиист был в состоянии за неделю изготовить Псалтирь, который оценивался в номисму, тогда как пергаментный кодекс Нового Завета стоил 3 солида, а полная Библия - не менее 5 золотых, отчего хороший год, полный заказов, давал бы возможность заработать около 50-70 номисм [подр. см.: Сорочан 1998, с. 386-387]. Кроме того, наличие книг позволяет предполагать в Херсоне существование не только копиистов, но и изготовителей писчего материала. С IX в. им все шире становится бумага, на что косвенно указывает появление особого налога - *chartiatikon eneka*, введенного при Никифоре I Генике [Oikonomides 1996, p. 138]. Вместе с тем, нельзя исключить, что *chartopoioi* изготавливали пергамент [ср.: Oikonomides 1977, p. 395 ff.; Oikonomides 1996a, p. 117]. В отличие от переписчиков (*oi grapheis*, *oi graphontes*), которые происходили главным образом из числа клириков, монахов, анагностов или тавуляриев, хартопои были профессиональными специализированными ремесленниками. Впрочем, степень специализации византийских пергаментщиков, как и прочих ремесленников, не была велика, и они могли совмещать раз-

ные занятия. Это отчетливо прослеживается в «Трактате об окраске мозаик», где автор, постоянно обращаясь к читателю, предлагает ему заниматься всеми видами крашения, золочения, выделкой золотого листа, пергамента, изготовлением стекла и смальты, да еще и самому добывать исходные материалы [Бородин 2001, с. 266].

На территории городища неизвестны находки больших зерновых ям, амбаров. Впрочем, их пока не обнаруживали и для более раннего времени. Вероятно, зерно было в значительной степени привозным и приобреталось горожанами на рынке. На извечную слабость собственной аграрной базы указывает также сравнительная редкость земледельческих орудий труда - железных накопечников сох, кос, серпов, мотыг, лопат в хозяйственном инвентаре жилых усадеб, да и в тех случаях, когда они встречаются, им сопутствуют остатки или отходы какого-либо ремесленного производства - гончарного, металлообрабатывающего, стекольного, строительного, соответствующие ремесленные инструменты, орудия рыболовного промысла. Нет в городских усадьбах и следов специализированных животноводческих комплексов. Если на закате поздней античности херсонеситы еще стремились переориентировать свои загородные усадьбы на Гераклеюском полуострове преимущественно на разведение скота [Сорочан 1994, с. 70], то позже они такие попытки не предпринимали, предпочитая скупать шкуры или, точнее, сырые кожи («вирсы»), а также, вероятно, мясо у местного населения Юго-Западной Таврики и у кочевников-скотоводов. Очевидно, этот путь был менее хлопотным и более надежным, прибыльным. Константин Багрянородный отмечал, что закупленное херсониты, как заправские перекупщики, приезжая, продавали в Романии и за счет этого жили [Константин Багрянородный 1989, с. 274, гл. 53. 530-532].

Следовательно, чисто аграрные занятия горожан играли второстепенную, подчиненную роль, и в то же время ремесло не было полностью отделено от земледелия. Ситуация, характерная для большинства древних обществ. Поэтому железный сошник естественно вписывался в инвентарь дома, где вполне профессионально могли заниматься и металлообработкой [ср.: Белов, Стржелецкий 1953, с. 90]. Собственно, то же самое мы обнаруживаем и в античном Херсонесе. Его виноделы, рыбаки, соледобытчики, прасолы, ремесленники и торговцы никогда полностью не порывали связей с земледелием, сельским хозяйством, стремились иметь если не сельские усадьбы, проастии, то хотя бы земельные участки. Возраставшая или периодически спадавшая роль торговли лишь увеличивала или уменьшала степень натуральности их хозяйства, но никогда не делала товарно-денежные отношения господствующими. Херсониты жили в таком обществе, где это было принципиально невозможно. Они развивали добывающие и лесные промыслы, отчасти рассчитанные на удовлетворение потребностей гончарного, металлообрабатывающего, кожевенного, строительного, стекольного, столярного, плотницкого ремесла, судостроения [см. Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 407-440]. С этой точки зрения Херсон представлял обычный провинциальный потребляюще-про-

изводящий центр, коих в Романии было большинство, и даже не развивал имевшихся тенденций к сосредоточению представителей одной профессии в рамках одного квартала [ср. Сорочан 2001, с. 97-114]. Он сохранял век от века свои традиционные промыслы и производства, почти ничего не исключая, но и не добавляя в их перечень, и никогда не знал гипертрофированного развития отдельных видов ремесла, резко вырывавшихся вперед в некоторых городах, не только средневековых, но и античных. Особенно часто такое случалось с текстильным и оружейными производствами, кораблестроением, однако ремесленники-херсониты, очевидно, не видели резона или не имели условий выбирать что-либо одно предпочтительное из своих многочисленных занятий. Будучи мелкими товаропроизводителями и сочетая это с работой и торговлей на заказ, они обслуживали главным образом всевозможные потребности горожан, а кое-чем - керамической тарой и посудой, некоторыми украшениями - обеспечивали отчасти местный сельский рынок, преимущественно в Юго-Западном Крыму. Основные типы керамики IX в., такие как амфоры с горизонтально отогнутым венчиком, амфоры с бороздчатым туловом, расписные ойнохои пользовались спросом среди населения ближней и дальней округи Херсона, а сельские ремесленники копировали производимые в городе типы керамики [Седикова 1997а, с. 18, 19-20]. Часть керамики, найденной при раскопках поселений у Тапчан-Кая, возле поселков Передовое, Оборонное, Заря Свободы, Ново-Бобровка, Поляны, крепости Кыз-Кермен и Бакла, в Скалистинском могильнике, херсонесского происхождения, в частности из эргастирия в районе Радиогорки, а часть сделана в местных мастерских [Романчук, Омелькова, л. 12; Седикова 1997а, с. 19].

При всем том со второй трети IX в., после развала крымского condominiuma, горожане были обречены жить преимущественно за счет предпринимательских сделок с теми, кто приезжал на пафлагонских, вукелларийских, понтийских судах и привозил не только самые разные предметы, вещи, товары (*chreias* e *pragmateias*), но и хлеб, вино (*sitou* e *oinou*), другие выращенные продукты (*gennemata*) из северомалоазийских фем Вукеллариев, Пафлагонии, Армениака и окраин Понта, сбывая туда свои, а говоря точнее, перекупленные товары. Именно в этом кроется ответ на смущающий некоторых исследователей вопрос, почему Константин Багрянородный писал, что без привоза продуктов херсониты не могут «иметь силы» (*ou dynantai zesai*) [ср.: Вруер 2001, р. 39]. Этим же объясняется и оптимальный выбор ромейскими властями средств воздействия на херсонитов, которую посчитал необходимым особо разъяснить будущему василевсу автор трактата «Об управлении империей».

В случае возмущения кастра Херсона, его сопротивления «царским повелениям» достаточно было, не прибегая к открытым военным санкциям, а действуя полицейско-административными и экономическими методами через местные власти и «царских порученцев» (трех василиков), овладеть всеми херсонскими кораблями вместе с ввезенными грузами в портах фем и в столице, а моряков и эпиватов-фрахтователей (пассажиров, торговцев) с этих кораблей «зак-

лючить в оковы» (*desmeuontai, desmeuosi*) и «ломать» (*enapokleiontai, enapokleiosin*), как буквально выразился Константин Багрянородный, в столичных работных домах - эргалиях либо под стражей в фемных портовых застенках - филаках, одновременно задержав (*koluosi*) отправку к Таврике северомалоазийских судов (*kai ta Paphlagonika kai Boukellarika ploia kai plagitika tou Pontou*) со всем необходимым. В то же время стратиг фемы отменял выплату 12 литр казенного золота (864 номисы), полагавшихся кастрону Херсона и, вероятно, его военному отряду - арифму, в который по давней традиции могли записывать часть потомственных херсонитов [Константин Багрянородный 1989, с. 274, гл. 53. 512-535; с. 274; ср. гл. 53. 154-158].

Такие санкции не носили для правительства характер дипломатического разрыва, как иногда считается [Rimbaud 1870, p. 491; Шестаков 1908, с. 77-78; Талис, л. 4-6], поскольку предусматривались византийскими властями в отношении собственных подданных, подчиненных империи, каковыми херсониты, по словам Константина Багрянородного и херсонесских «патриографов», считались уже со времени правления Диоклетиана (284-305) [Константин Багрянородный 1989, гл. 53. 48. 118-119. 140-141; с. 248, 252]. Похоже, Константинополь действительно мог прибегать к своеобразной «торговой войне» и использованию флота южнопонтийских провинций не для вооруженного, а для экономического и, следовательно, политического давления на Херсон и его округу [Константин Багрянородный 1989, с. 457, комм. 58], пользуясь сложной ситуацией со снабжением, сложившейся там после прекращения совместного хазаро-византийского владения и последовавших административно-территориальных изменений. Поэтому невозможно говорить о восстановлении в Готии византийского правления ни в конце VIII в., ни в начале IX в., ни в 20-х гг. IX в., ни в середине IX в., как нередко заявляют исследователи [Кулаковский 1914, с. 76-77; Артамонов 1962, с. 305; Якобсон 1970, с. 191-192; Плетнева 1976, с. 62; Гумилев 1989, с. 141], ибо в условиях кондомината, формально сохранявшихся до конца 30-х гг. IX столетия, «восстанавливать» было бы нечего. Система «двоевластия» стала рассыпаться с конца VIII в., но процесс этот оказался латентным и растянутым на несколько десятилетий.

К концу 850-х гг. территория фемы распространялась фактически только на Херсон и его ближайшие окрестности, да и те были большей частью «почти покинуты» (*prope modum desolata est; magna pars regionis illius fere desolata*) [Epistola Anastasii 1911, p. 141, § 2; Vita cum Translatione S. Clementis 1911, p. 143, § 2]. Власть империи над областями-климатами между Херсоном и Боспором оставалась весьма призрачной. Разумеется, Романия никогда не отказывалась от своих притязаний и не признавала потерь принадлежавших ей территорий, однако на деле слова Петроны Каматира оказались пророческими - она все же «упустила их из своих рук». Видимо, именно это прозаическое и вместе с тем суровое обстоятельство, заставившее официальный Константинополь ограничить все контакты преимущественно Херсоном, а не непонятно откуда взявшееся

ся «стремление империи ограничить местное самоуправление и усилить центральную власть» повлекло изменение названия стратигии, которая уже через десяток лет после своего создания оказалась переименованной из Климатов (или Климатов и Херсона) в Херсон [Сорочан 1997, с. 58-60; Цукерман 1997, с. 321; Цукерман 1998, с. 678; Айбабин 1999, с. 216]. Вероятно, переименование состоялось к концу периода самостоятельного правления Михаила III и не позже начала правления Василия I Македонянина (867-886). Во всяком случае, в Херсоне найдена медная монета с литерами МВ на аверсе и аббревиатурой КΛ(М?) на реверсе [Гилевич 1992, с. 217, № 2], которые можно расшифровать как «Михаил василевс» (либо «Михаил III - Василий I») и «Климатон». Как уже было сказано, она датируется в пределах от 842 г. до 866-867 г. и может быть одним из свидетельств официального употребления первоначального названия стратигии. Зато в Тактиконе 899 г. название Климаты отсутствует, и в иерархии высших чинов на 30-м месте, из 59, значится стратиг только Херсона [Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis 1829, p. 713-714; Bury 1911, p. 136-137]. В списке стратигов он назван 24-м и последним, если не считать приписки относительно других фемных эк просопу (kai oi ek prosopou eisi ton thematon) [Bury 1911, p. 138; Oikonomides 1972, p. 104-105, § 20]. Стратигом Херсона это должностное лицо именуется и на моливдулах, начиная примерно с середины IX в., что позволило К.Цукерману высказать предположение о существовании фемы с названием Климаты в очень узких хронологических рамках, не более нескольких лет, до конца 840-х или начала 850-х гг. [Зайбт 1995, с. 92 сл.; Толстой 1887, с. 28-43; Соколова 1983, №№ 15, 15а, 16, 19, 20, 27, 30-34, 44; Alexeenko, Romancuk, Sokolova 1995, S. 140-144; Алексеенко 1998, с. 702-708, № 1-7; прил. 1; ср.: Цукерман 1997, с. 317, 320]. Окончательно прояснить этот вопрос помогут только новые нумизматические и сфрагистические находки, которые, надо надеяться, не заставят себя долго ждать.

Вместе с тем, утверждать, что «амбициозный проект Феофила полностью потерпел провал» было бы неверно [ср.: Цукерман 1997, с. 321]. Именно благодаря существованию фемы на здешних землях и ее тесной связи с заморьем, трудная политическая ситуация, сложившаяся вокруг города в середине IX в., со временем оказалась преодолена для херсонитов с наименьшими потерями и, что особенно важно, с наибольшими перспективами. Отражением неослабного внимания правительства к преобразованной феме могло стать строительство в правление Василия I большого общественного архитектурного комплекса, возведенного на территории «цитадели», который И.А.Антонова интерпретировала как здание византийского претория - дворца стратига и чиновников его ведомства [Антонова 1994, с. 26-27]. В таком случае именно для него в апреле 1059 г. стратигом Херсона и Сугдеи, патрикием Львом Алиатом, было приказано изготовить железные двери или ворота (ai portai ton praitoriou siderai), что указывает на континуитет в размещении резиденции главы провинциальной администрации Херсона в течение всего существования фемы и на особое отношение ромей-

ских властей к «цитадели» и здешнему военно-административному комплексу [Латышев 1896, с. 15-19, № 8; ср.: Якобсон 1959, с. 99; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 537-538]. За его содержание на херсонской земле местные власти могли получать те две литры (144 номисмы) арендных денег - пакта (*tas duo tou raktou*), о которых, наряду с прочими казенными выплатами, выдаваемыми кастроу Херсон, особо упоминал Константин Багрянородный [Константин Багрянородный 1989, с. 274-275, гл. 53. 526-528].

Тем не менее ситуация со снабжением крымских владений империи продовольствием несколько не улучшилась и к концу IX столетия. Если в 30-40-х гг. рядом с Херсоном появились конные отряды венгров, которые, по словам агиографа Константина Философа, писавшего около 880-х гг., с волчьим завыванием нападали на группы путников [Житие Константина 1981, с. 78, гл. 8], теснили из Крыма хазар, то около 889 г. началось вторжение печенегов или, как звали их византийцы, пачинакитов (пацинакитов), возможно, повинных в прекращении существования ряда поселений в Восточной и Южной Таврике в конце IX в. [Якобсон 1954, с. 159; Пиоро 1990, с. 85; Макарова 1991, с. 64; Толочко 1999, с. 54]. До этого печенеги, в этнически пестрый племенной союз которых помимо тюркоязычных орд входили какие-то венгерские (мадьярские) объединения, обитали в степях между Волгой и Яиком. По свидетельству некоторых арабо-персидских авторов и Константина Багрянородного, они перешли Волгу вследствие давления гузов (узов), вступивших в союз с хазарами, и далее в своем продвижении где-то на западных рубежах Хазарии, скорее всего, в самом конце 80-х-начале 90-х гг. IX в. столкнулись с венграми («турками») в местности (*choras*), называемой Леведией, вытеснили венгров, вероятно, в Северо-Западное Причерноморье, в так называемую Ателькузу - «Междуречье» (венгерское Этель-Кюзю), где протекали реки Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днестр), Брут (Прут), Серет (Сирет), а потом и дальше, в Великую Моравию (Паннонию) [Заходер 1967, с. 70-76; Константин Багрянородный 1989, гл. 37. 1-14, с. 154, 155; гл. 38. 1-71, с. 158-161; гл. 40. 13-27, с. 164, 165]³⁰. Только после этого, ближе ко второй половине 890-х гг. пачинакиты широко расселились в степях Северного Причерноморья³¹. Их кочевья могли заходить в Крым и вступать в соседство с аланами, обитавшими вблизи Херсона [Бубенок 1997, с. 86, 88; Айбабин 1999, с. 227], но это соседство с городом не было поначалу все же столь тесным, как иногда представляется. Недаром Константин Багрянородный, отмечавший, что пачинаки-

---

³⁰ Несмотря на длительность изучения, вопрос о передвижениях, расселении венгров и их отношениях с хазарами (союзнических либо, напротив, враждебных) остается в области дискуссий и едва ли будет решен однозначно в ближайшее время [ср.: Kristo 1996; Цукерман 1998, с. 663-688 (там же библиография); Толочко 1999, с. 25-28, 30].

³¹ Константин Багрянородный отметил, что они владели бывшей страной венгров в «Междуречье» Северо-Западного Причерноморья уже в течение 55 лет «вплоть до сего дня» (*mechri ten semeron*). Если учесть традиционную дату написания трактата (948-952 гг.), тогда появление печенегов в этих местах произошло не ранее 893-897 гг.

ты находятся «рядом с фемой Херсон», советовал царским посланцам к печенегам все же не направляться в город, если была возможность морским путем, на хеландиях, сразу попасть к «области Днепра, Днестра и других там имеющихся рек», поскольку здесь можно было «кратчайшим путем и быстрее найти... тех же пачинакистов» [Константин Багрянородный 1989, гл. 8. 5-12, с. 42-43; ср. гл. 1. 25-28, с. 36-37; гл. 6. 1-2, с. 40-41]. Арабо-персидский географ Абу-Исхак ал-Истахри ал-Фарси в «Книге путей государств» (около 930-933 гг.), очевидно, заимствовавшей сведения из несохранившегося сочинения географа ал-Балхи (конец IX в.), отмечал, что «разряд турок, именуемых печенегами, изгнанный со своей земли, разместился между хазарами и Румом» [Захoder 1967, с. 76]³². Очевидно, под последним следует понимать не Рим и даже не Константинополь (арабский Кустанайя, Кустантини), лежащий по ту сторону Румского моря, а страну или землю ар-Рум, то есть имперские владения в Таврике, с крепостных стен которых византийцы могли наблюдать приливы и отливы грозных варварских орд.

Пытаясь сохранить систему поддержания политического равновесия, Византия и на этот раз стремилась оказывать на кочевников влияние посредством налаживания с ними связей, искусно используя заинтересованность новых пришельцев, враждовавших друг с другом, в выгодном посредническом обмене с империей. Не случайно сюда начинают поступать амфоры с клеймами на ручках с монограммами из букв МХ, ВА, с буквой Є, буквами LEO и LE, в которых можно видеть имена Михаила III (842-867), Василия I (867-886), его жены, Евдокии Ингерины (869-879), Льва VI (886-912), что в свою очередь позволяет понимать их как соответствующую выборочную маркировку продукции эргастириев, возможно, принадлежавших императорам или членам императорской семьи [Паршина 2001, с. 109, табл. 1-7]³³. Из 15 классов амфор IX в. (27,7%) большинство приходится именно на вторую половину - конец столетия [Романчук 2000, с. 176-177, прим. 29]. Это особенно впечатляет, если вспомнить, что на гораздо более продолжительный период истории ранневизантийского Херсона (V-VII вв.), отличавшийся весьма развитыми внешними связями, приходится 23 класса амфор (42,6%).

По археологическим данным известно, что уже в конце IX в. экономическое и политическое положение в Таврике стабилизировалось. Как следствие, к

³² То же Ибн Хаукал и анонимный автор сочинения Худуд ал-Алам (80-е гг. X в.) [ср.: Bibliotheca 1870, T.1, P.10; 1873, T.2, F.2, P.15; Minorsky 1937, § 47].

³³ Оснований для того, чтобы атрибутировать такую продукцию как показатель императорской монополии на производство амфор по всей империи, явно недостаточно, поэтому более вероятным представляется предлагаемое самой же Е.А.Паршиной объяснение считать все не клейменные амфоры, составляющие большинство находок, плодом деятельности частных владельцев [Паршина 2001, с. 111]. Заслуживающим дальнейшей разработки представляется также гипотеза И.В.Волкова о том, что клейменные амфоры служили эталоном объема при мелкооптовой торговле вином, чем и объясняется немногочисленность средневековых клейм [Волков 2001, с. 209-210]. Показательно, что названные в Книге Эпарха мерные сосуды-ангии объемом около 13 метрических литров действительно соответствовали емкости некоторых клейменных амфор, которые таким образом могли выполнять роль эталонных сосудов [см.: Сорочан 2001, с. 160].

этому времени вновь растет число сельских гончарных мастерских преимущественно вдоль побережья Крыма (урочище Сотера, Гаспра, Мисхор, юго-восточный склон г. Урага, Чабан-Куле, Канакская балка, Коктебель, близ с. Голубинка), занятых преимущественно выпуском амфор «причерноморского типа», товар в которых распространялся далеко за пределы полуострова, главным образом на салтовские городища и поселения Приазовья и Подонья [Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, с. 77]³⁴. Отмечая это «экономическое возрождение» края, А.Л.Якобсон связывал его причину с аналогичным широким процессом, шедшим в самой Византии [Якобсон 1964, с. 57, 162, прим. 15]. Однако следует учесть и местную, в целом явно благоприятную ситуацию, отчасти как бы вновь возвращавшую былые славные дни мирного кондоминатного сосуществования VIII в.

Подобные мастерские известны по американским раскопкам в ранневизантийских Сардах, где их обнаружили выходящими на главную улицу города [см.: Crawford 1990]. К последней трети IX в. здесь, в крымской зоне византийского влияния, удалось еще более укрепить позиции Константинопольского патриархата, что отразилось в учреждении ряда новых архиепископий [Баранов 1990, с.153]³⁵. Епархиальные списки, составленные к концу IX - началу X столетия и около 940 г. (список № 7 по Ж.Даррузе или нотиция де Боора, список 901-902 гг., *Nova tactica*), называют архиепископства Херсона, Готии, Фул, Сугдеи и Боспора, хотя еще в первой половине IX в., согласно *Notitii Basilii*, для Крыма были указаны только первое и последнее из этого перечня [см. Кулаковский 1898, с. 173-174]. Косвенно это указывает на их влияние и благосостояние, ибо автокефальные архиепископии учреждались лишь в тех городах, которые славились своим богатством и которые в своем новом статусе значительного церковного центра еще более процветали.

Какое-то время продолжали сохраняться старые связи в Юго-Западной Таврике, поскольку Мангуп пришел в упадок лишь к XI в., причем в испытанном им потрясении могли оказаться повинны не набеги печенегов или сменивших их к середине XI в. половцев, а природный катаклизм - сильнейшее землетрясение, случившееся около второй четверти XI в., разрушительные следы которого прослеживаются и в Херсоне [Герцен 1983, л. 27; Могаричев 1997, с. 70; Герцен 2001, с. 30; ср.: Романчук 1989, с. 182-188; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 300-301]. До X в. включительно здесь продолжали действовать некоторые из прежних винодельческих комплексов с большими тарапанами, вырубленными в скале,

³⁴ Впрочем, следует заметить, что фиксируемый таким образом подъем виноделия прекратился к середине X в. вместе с исчезновением амфор собственно крымского производства [Якобсон 1979, с. 72; Талис 1981, с. 64-72].

³⁵ Нет никаких оснований включать в этот ряд епископию Хазария - Хотцирон (Хотзирон), ибо под этим названием, причем даже не в тексте, а в схолии к остающейся до сих пор точно не датированной нотиции де Боора (о *Chotziron synegnus Phoulon kai tou Charasiou, eno legetai to Mabron Negon* - «Хотцирон близ Фул и Харасиу, что значит Черная Вода»), можно понимать и некий крымский церковный центр, входивший в 37 епископию - епархию Готфия, вероятно, уже существовавшую в IX в. [Darrouzes 1981, p. 245].

виноград для которых доставляли снизу, из долин [Герцен 2002, с. 63]. В правление императора Василия I Македонянина (867-886), по мнению И.В.Соколовой, в Доросе «работал» даже местный фальшивомонетчик, припрятавший в оборонительной стене «клад», в состав которого вошли изготовленные им «номисмы VIII века», бронзовые подражания-подделки под солиды Льва III и Константина V [Соколова 1983, с. 33]³⁶. Видимо, в готовом, позолоченном виде они попали в обращение, так как иногда встречаются в окрестных погребениях³⁷. Видеть в этом явлении полную утрату власти империи в регионе не приходится, ибо подделыватели денег не переводились в самой Романии ни в ранневизантийский период, ни в «темные века», ни позже, несмотря на крайнюю строгость, жестокость законодателей по отношению к такого рода *crimen majestatis* - уголовным деяниям наказуемым если не смертной казнью, то отсечением руки [Corpus 1895, IX. 24. 1; Ecloga 1983, XVII. 18; Эклога 1965, с. 69; Ecloga privata aucta 1865, XVII. 44; Epanagoge 1892, XL. 17; Византийская книга Эпарха 1962, III. 1]. К тому же, как заметил Прокопий, варварские государи не решались чеканить золотую монету, причем не потому, что у них не хватало золота, а по причине того, что они такую самостоятельно выпущенную монету «...не могли ввести в обращение с ведущими с ними торговые дела, хотя бы торговцами были даже сами варвары» [Procopii Caesariensis Opera 1962, III. 33. 6; Прокопий 1950, с. 349; ср.: Чекалова 1999, с. 99].

В южной части другого крупного городища - на Эски-Кермене с конца IX столетия начинают вырубать новые «пещерные» храмы и хоронить в гробницах-костницах, устроенных в храмах и рядом с ними [Айбабин 1991, с. 48]. Тот же самый обычай встречается на Мангупе, Бакле и в Сугдее [Айбабин 1993, с. 130]. В эмпории Партениты, на поселениях Таврики известны находки амфор константинопольского типа, высокогорлых кувшинов, белоглиняной поливной посуды IX-X вв. [Паршина 1991, с. 70-83; Романчук, Седикова 1991, с. 323-324, рис. 5,1-4; 6,1-4; Баранов 1990, с. 81-83, 94]. Фрагменты византийской белоглиняной поливной керамики нередко встречаются в приморских центрах Южного Крыма, на месте Симеиза, Гурзуфа, Верхней Ореанды, крепости Алустон, Суг-

³⁶ «Клад» включал семь незавершенных подделок под солиды Льва III 725-732 гг. и литой «солид» Льва III и Константина V 717-741 гг. Непонятно, на основании чего В.А.Сидоренко считает их браком, предназначенным для переплавки. Скорее, это вполне удавшиеся заготовки, которые оставалось лишь покрыть позолотой, и которые, как тяжкую улику, небезопасно было держать дома, в мастерской. Соотнесение сокрытия монет с событиями восстания Иоанна Готского в 786-787 гг. тоже не имеет достаточных оснований. Сам по себе такой «полуфабрикат» не представлял ценности: в денежном обращении недоделанные фальшивки участвовать не могли. Но еще более проблематично рассматривать их как собственные монеты, якобы легально выпускавшиеся правителем Готии, то есть указание на независимость Готии от Византии [см.: Герцен, Сидоренко 1988, с. 127-132].

³⁷ В склепах Чуфут-Кале известны позолоченные подделки под солиды Константина V 741-751 гг. [Кропоткин 1965, с. 114, рис. 44,3,4]. Фальшивомонетчик, очевидно, не случайно остановился на копировании ранних исаврийских номисм - наиболее ходовых, чаще других встречаемых, заслуживших славу полноценных монет.

деи, Тепсеня, а также в глубине горного Юго-Западного Крыма, где они известны на Эски-Кермене, Мангупе, а в наиболее значительных количествах - в Херсоне, Бакле и Боспоре [Талис 1960, с. 125-139; Паршина 1974, с. 65-66, рис. 9; Талис 1976, с. 64-69; Якобсон 1979, с. 83, 332-337; Баранов 1990, с. 23 сл.; Адаксина и др. 1994, с. 13; Макарова 1991, с. 127; Айбабин 2000, с. 170].

Особое внимание привлекает находка византийского белоглиняного пологого блюда IX в., сделанная в 1988 г. в крепости Алустон при раскопках одного из помещений (№ 78) дома, примыкавшего к оборонительной стене IX-X вв. [Адаксина 1994, с. 101-108, рис. 1 (публикатор находки считает возможным говорить о производстве блюда в Коринфе и, следовательно, относит его к числу импортных изделий, поступавших в византийские центры Таврики из Восточного Средиземноморья - с. 105-106)]. Рельефное изображение на нем большой рыбы в центре и четырех меньших по сторонам явно несло символическую нагрузку, связанную с образом Иисуса Христа и Евангелистов, а греческое граффити, процарапанное на поддоне, указывает на то, что сделавшие его хозяева блюда, возможно, выполнявшего роль дискаса, пользовались в обиходе этим языком. Видимо, вполне насущным здесь стало строительство в X в. небольшого храма [Якобсон 1973, с. 77]. Не позднее VIII-IX столетия датируется известняковое надгробие с плохо сохранившейся греческой надписью, упоминавшей Феодора, которое также было найдено около Алустона в 1886 г. при раскопках одного из могильников, издревле считавшегося у местных жителей старинным кладбищем греков [Латышев 1896, с. 80-81, № 72]. Вообще показательно, что подобные греческие эпитафии, найденные на Сахарной Головке недалеко от Инкермана, Бакле и в других местах Юго-Западного и Южного Крыма, относились к христианам, носившим греческие и аланские, тюркские имена [Соломоник 1986, с. 215-217; Баранов 1990, с. 129, рис. 50; Соломоник 1991, с. 172-178; Айбабин 1993, с. 130; Сидоренко 1998, с. 642-645; Еманов 2001, р. 40]. Наряду с прочими надписями, монограммами, отдельными греческими буквами-граффити на камнях, посуде (даже салтовского типа), таре, украшениях, они обнаруживают не просто знакомство местного гетерогенного, христианского населения, впитавшего в себя ромейский, скифо-сарматский, таврский, готский, аланский и болгарский компоненты, с греческой письменностью и простонародным разговорным языком - димотикой, но и постоянное, обиходное использование их в быту³⁸. Это самым убедительным образом указывает на то, какие культурные и ментальные процессы развивались и доминировали в здешней «синтезной контактной зоне», несмотря на влияние Хазарии и Печенегии.

³⁸ Как справедливо отметил на этом основании В.А.Сидоренко, подробно прокомментировавший надпись из баклинского склепа с упоминанием имени его строителя - христианина Цала (Чала - Tzal), она не может быть свидетельством христианизации тюркской знати, и скорее всего имя принадлежало местному мастеру из числа представителей христианских народностей Кавказа IX - начала X вв. [Сидоренко 1998, с. 642-645; ср.: Баранов 1990, с. 129-133]. Тот же феномен прослеживается и в Восточном Крыму, где на поселениях VIII-IX вв. в заполнении комплексов и в слое найдено большое количество амфор и керамики, в том числе салтово-

Когда согласно свидетельствам церковно-славянской версии Жития Стефана Сурожского, Кубасовского хронографа и одной из поздних редакций Новгородской летописи, «Русь из Нова града» во главе с князем Бравлином в правление василевса Михаила III, в 6360 г (851/852 г.) (по другим версиям - в самом конце VIII в. или в первой четверти - первой половине IX в.), после десятидневных сражений ворвалась в Сугдею, «силою изломив железнаа врата», она оставалась греческим городом, причем с богатыми церквями, такими как католикон св. Софии с усыпальницей - мавзолеем епископа Стефана [Васильевский 1915, с. CXLII-CXLIII, 95, гл. 53; Горский 1844, с. 191-196; Бобринский 1905, с. 106-107]³⁹. Разбив двери храма, захватчики нашли на гробе святого царские одежды, «и жемчуг и злато и камень дорогой, и кадила злата и сосудов златых много» [Труды 1915, с. 95]⁴⁰. Сама цель похода - «поевовать Греческую землю (то есть византийские владения - С.С.) от Херсона и до Корчева» (Боспора), ограбить эти места, указывает на то, что северные соседи Романии, кто бы они ни были, знали о благоприятном состоянии хозяйственного развития южных районов Таврики, где можно было пожить не только зерном и невыделанными шкурами. Следует подчеркнуть, что в представлении агнографов и летописцев это была греческая, а не хазарская или печенежская земля.

Л.Н.Гумилев полагал, что нападение воинов Бравлина, которых он вслед за Г.В.Вернадским, М.И.Артамоновым, А.Г.Кузьминым отождествлял с русами - ругами, выходцами из Южной Прибалтики, было инспирировано ромейской дипломатией, как удар по хазарам, но оказалось крайне неудачным, ошибочным ходом, поскольку повлекло разгром церквей Готии и усиление позиции иудаизма в Хазарии [Гумилев 1989, с. 124-127; ср.: Анохин 1996, с. 168-170]⁴¹. Однако стал ли этот вражеский рейд столь разрушительным, пострадал ли сам Херсон или Боспор? Ведь источники говорят о захвате византийской территории «от и до», но не самих городов⁴². Если учесть, что ромейские города рассматрива-

маяцкого типа, среди которых встречаются граффити в виде отдельных букв греческого алфавита, а также различные знаки в виде креста, крестика и др. [Гадло 1980, с. 141, рис. 8; Зинько 1997, с. 40-41]. Вместе с тем стоит обратить внимание, что в раннесредневековой Юго-Западной Таврике, судя по краниологическим материалам, преобладало население, европеоидная основа которого была близка к сарматскому типу, и которое отличалось от населения Восточного Крыма [Беневоленская 1970, с. 198-223].

³⁹ Обычно и без достаточных оснований историки считают Бравлина новгородским или даже киевским князем, и это представление давно стало расхожим мнением [ср.: Веникеев, Артеменко 1992, с. 48].

⁴⁰ Даже если мы имеем дело с обычным агнографическим клише, склонным все гипертрофировать в ту или иную сторону, показательно, что составитель Жития выбрал именно такой штамп, свидетельствующий о богатстве, а не о захудалости этого епархиального центра Таврики.

⁴¹ Если поход действительно пришелся на 851/852 г., тогда этот вывод отчасти совпадает с мнением Г.Вернадского, А.Гадло и К.Цукермана, что массовое обращение хазар в иудаизм произошло только около 860-861 г., хотя правящая верхушка приняла его значительно раньше [Vernadsky 1940-1941, p. 76-86; Гадло 1968, с. 64; Zuckerman 1995, p. 237-270]. Впрочем, надо заметить, основания для такого вывода достаточно гипотетичны [возражения см.: Chekin 1998, p. 13-34; Shepard 1998, p. 11-34].

⁴² Не был ли это один из тех критических моментов, во время которых, судя по воспоминаниям епископа Митрофана, находившегося в ссылке в таврических краях именно в 850-х гг., херсониты

лись вместе с прилегающими землями как одно целое, тогда выражение «от Херсона до Боспора» означает только территорию, находившуюся в распоряжении сугдейцев и, судя по обилию печатей херсонских архонтов IX в., контролировавшуюся херсонскими властями [Степанова 2001, с. 24; Степанова 2002, с. 231]⁴³. Кроме того, войдя в Сугдею с мечом, Бравлин принял там же крещение со своими воинами, что следует расценить как успех ромейской дипломатии, и сделал богатые приношения - вернул наиболее ценное церквям «в Корсунь и Корчи и везде» вместе с пленными мужчинами, женщинами, детьми, захваченными «от Корсуни до Корча», после чего ушел, «и град и люди и попов почтив» [Труды 1915, с. 96].

В Сугдее, центре, возможно, уже архиепископии, в это время шло какое-то общественное, культовое строительство, с которым связаны остатки известнякового карниза с плохо сохранившейся греческой надписью, шрифт которой сравним с надписью 70-80-х гг. IX в. из фракийской Месемврии [Соломоник 1991, с. 177-178, № 4]. Раскопки городища богаты находками белоглиняной поливной посуды IX-X вв., а в погребениях того же времени, в частности в четырех склепах с коробовым сводом возле куртины XIV, где были похоронены, судя по поминальной надписи на штукатурке, знатные сугдейцы-христиане, встречаются остатки разнообразных по своему рисунку византийских и импортных шелковых тканей, расшитых золотой и серебряной нитью [Баранов 1990, с. 80, 107; Баранов 1994, с. 38].

Вероятно, прежде всего именно обоюдное развитие тесных связей империи с Херсоном, Сугдеей, Южной, Юго-Восточной Таврикой и Боспором, который окончательно покинули хазары, стало основной причиной очередной стабилизации жизни края с конца IX в. [Якобсон 1964, с. 58 сл.]⁴⁴. В ареал этих приоритетных контактов следует включить и Приазовье - Подонье, на что указывают находки в этом регионе амфор и кувшинов, аналогичных херсонским. Обнаруженный в городе в комплексе последней трети IX в. один из видов массовой тары - высокогорлые кувшины с характерными плоскими

превратились в «обитателей тюрьмы», боявшихся в прямом смысле высунуть нос за пределы городских стен? В таком случае к нагнетанию тяжелой обстановки вокруг города и в нем самом приложили руку не только хазарские «воеводы» и разбойники - венгры, но и русы - руги, которые, понятно, были для херсонитов не лучше прочих варваров-язычников.

⁴³ Уже Фридрих Вестберг указал на то, что *Chersonos kai Bosporos* могло означать как города, так и области, поскольку такие словоупотребления встречаются, к примеру, у Константина Багрянородного, и добавил: «Мне кажется немислимым, чтобы русское войско... в один прием завоевало все крымское побережье с такими твердынями, какими были Корсунь и Керчь» [Вестберг 1908, с. 234].

⁴⁴ Ныне принято считать, что к концу IX в. пределы Хазарии не заходили на запад далее Дона. Ибн Русте, отразивший ситуацию, сложившуюся к 880-м гг., указывал, что между «страной печенегов», находившейся тогда уже на правом берегу Дона, и «землей хазар» «10 дней пути по степи и лесам», причем без торных дорог и прямых путей, а «от хазар до Серира (Страны гор - Аварии)» - «12 дней пути по степи», то есть при любых понятиях дня пути (пешего или верхом) речь шла о нескольких сотнях километров - от 250 до 700 [см.: Михеев, Тортика 2000, с. 154, 160-161]. Что касается Боспо-

ручками, в изобилии производившиеся на Таманском полуострове, определяют время активизации постоянных торговых контактов с этой зоной [Седикова 1997а, с. 20]. Следы кораблекрушения судна, везшего большое количество таких кувшинов, зафиксированы около южнобережного мыса Плака, что указывает на их транспортировку морским путем⁴⁵.

Находки некоторых типов византийской поливной посуды, особенно со штампованным орнаментом, свидетельствуют о торговых контактах с империей и прежде всего с Константинополем, где продолжало развиваться ее производство, становившееся все более массовым [Белов 1959а, с. 26; Якобсон 1959, с. 332; Талис 1960, с. 127; Макарова 1967, с. 8; Романчук 1976, с. 27; Седикова 1997а, с. 16, 20]. Вместе с тем этот предмет импорта, видимо, оставался во второй половине IX в. среди немногих избранных, престижных товаров, которые плохо добирались до деревенской «глубинки». Только этим можно объяснить, почему при наличии тарной и столовой керамики местного, в том числе херсонского производства, на сельских поселениях, отстраивавшихся в это время под Мангупом и в других местах, отсутствовали белоглиняные поливные сосуды византийского производства⁴⁶.

Будучи крупнейшим и активным экономическим центром всей северо-понтийской торговли Византии, Херсон развернул в это время оживленный и, значит, выгодный товарообмен с кочевниками, поставляя им перекупленные ромейские товары, разнообразные ткани, выделанные высококаче-

---

ра, то совершенно очевидно, что хазар уже не было в нем в 873-875 гг., когда архиепископ Боспора Антоний писал патриарху Фотия о богоугодном решении крестить всех боспорских иудеев, очевидно, желая лишний раз подчеркнуть, что разделяет политику василевса Василия I в отношении обязательного крещения евреев в Византии [Photii 1983, р. 132; Айбабин 1999, с. 222]. Подобная акция, как подчеркивают исследователи, была бы совершенно невысказима в городе, удерживаемом хазарским гарнизоном и, следовательно, остававшемся под властью хазар, уже массово принявших иудаизм [ср.: Якобсон 1964, с. 55; Константин Багрянородный 1989, с. 334, комм. I к гл. II; Айбабин 1997, с. 8]. Впрочем, отсутствие в самом Боспоре хазар еще не означает, что они все ушли из Крыма, якобы были вытеснены оттуда венграми, как полагает К.Цукерман и исследователи, разделяющие его мнение. Все праболгарские объекты восточной части Таврики существовали без изменений на протяжении второй половины IX - первой половины X вв. Неизменной оставалась материальная культура. Кочевнические же погребения Причерноморья, связываемые с венграми, датируются не раньше середины X столетия и неизвестны в Крыму [см.: Майко 1998, с. 14].

⁴⁵ Предполагается, что такие кувшины служили тарой для перевозки нефти, добываемой из источников около Таматархи, которую использовали для освещения, а также в военных целях, как ингредиент для изготовления «жидкого огня» [Зеленко 2001, с. 84; Zelenko 2001, р. 75].

⁴⁶ В.Е.Науменко обращает внимание на отсутствие среди здешнего керамического материала посуды салтово-маяцкого облика и невразумительно намекает на «определенную политическую и культурную ориентацию, а также характер торгово-экономических связей Мангула в этот период», очевидно, намекая на их херсонскую направленность [Науменко 1997а, с. 339]. Однако это общая картина для ближних и дальних окрестностей Херсона, где следы присутствия салтовец оказались переплавлены мощным византийским влиянием, в горниле которого к X в. выковывался самобытный этнос, унаследовавший черты греков и варваров, местных и чужаков. Что касается поливной красноглиняной посуды, то она стала появляться на сельских поселениях не ранее XI-XII в. [ср.: Савеля 1964-1965, л. 14-15, поселение XVI; л. 16, поселение XIX; Савеля 1982, л. 17, 19; Рудаков 1977, л. 22-24].

ственные кожи, пряности, посуду, поделки из кости [История 1967, с. 148-149; Романчук 1981, с. 322]. Гардизи, Марвизи и другие персидские, арабские авторы XI в., писавшие о присхождении, истории венгров, единодушно отмечали «...богатство и явный достаток от избытка торговли их», прежде всего с ромеями (ар-Рум) [Заходер 1967, с. 55-56, 57]. Уникальные подробности об участии в этой торговле византийского Боспора (в тюркской форме - К-р-ц, К-р-х, К-р-дж) сохранил арабский географ Ибн Русте. В «Книге драгоценных драгоценностей», передавшей отдельные части труда ал-Джайхани, составленного около 900 или 922 г., но отразившей сведения о венграх примерно для 70-х гг. IX в. (до 889 г.) [ср.: Левицкий 1978, с. 57; Новосельцев 1965, с. 376], он сообщал о меновой форме производившихся торговых операций и том специфическом товаре, какой венгры поставляли грекам. По его словам, ромейский рынок рабов в Восточном Крыму функционировал с четкостью отлаженного механизма: «...мадьяры (м-дж-г-р) нападают на славян и отправляются с пленными по берегу, пока не достигнут с ними порта страны ар-Рум, называющегося К-р-х... И вот подходили мадьяры с пленными к К-р-х, выходили к ним ар-Рум и торговали там, отдавали им рабов и получали румийский шелк, ковры и другие товары ар-Рум» [см.: Подосинов 1997, с. 167; ср.: Минорский 1963, с. 217-221, прил. IV; Заходер 1967, с. 55; Magnae Moraviae 1969, S. 344].

Этот пассаж напрямую не связан с историей Херсона, но тем не менее заслуживает пристального внимания, поскольку обычно признают ориентированность раннесредневековых Херсона, Сугдеи, других центров южнобережного «микрорайона» Таврики на малоазийские провинции Византии, тогда как Боспор увязывают с областью степных предгорий Центрального Крыма, с северо-причерноморской степью и Приазовьем, что уже само по себе как бы автоматически изолирует его от южных связей [Гадло 1973, с. 269; Гадло 1980, с. 130]. Приведенное свидетельство арабского автора показывает ограниченность такого заключения и кроме того указывает на принципиально одинаковый ассортимент товаров, предлагавшихся кочевникам всеми византийскими центрами Таврики, а не только одним Херсоном, как это может показаться на основании хорошо известных строк Константина Багрянородного [1989, гл. 6, с. 40. 8-9]. Кроме того, строки Ибн Русте заставляют усомниться в том, что именно венгры, заинтересованные в торговле с ромейским Боспором, были повинны в его разгроме, о чем свидетельствуют следы перестроек, а значит, предшествующих разрушений некоторых городских кварталов. Ведь по предположению К.Цукермана, это должно было произойти приблизительно в 860-е гг., то есть как раз в то самое время, когда кочевники вполне мирно приходили к городу для участия в обмене с греками [Цукерман 1998, с. 675-677]⁴⁷. Скорее уж в нападении на город можно заподозрить печенегов, появившихся у Крыма в последние годы IX сто-

⁴⁷ Ту же точку зрения разделяет А.И.Айбабин [1999, с. 222, 227].

летия⁴⁸. Впрочем, имеющиеся археологические материалы заставляют с осторожностью говорить о разорительности печенежского появления в Крыму на рубеже IX-X вв., о том, что разгромленная ими страна «вновь запустела», и в ней отсутствуют поселения X в.⁴⁹. К тому времени уже завершилась очередная переориентация местного сельского хозяйства на преобладание пастбищно-отгонного скотоводства, более удобного, нежели производство зерновых и винограда в условиях нестабильной внешней обстановки, поэтому едва ли новые пришельцы могли ухудшить ситуацию, к которой херсониты, как и жители других византизированных приморских центров давно успели приспособиться после развала византино-хазарского кондоминиума.

Закономерно, что по своему значению, а значит и многолюдству, архиепископская кафедра Боспора почти ничем не уступала Херсону, располагаясь в епархиальных списках IX в. рядом, на 24 и 25 местах [Dargouzes 1981, p. 44-48, 250-251, 266]. В более поздней нотиции 901-902 гг., отразившей положение предыдущих десятилетий, имеющими архиепископские кафедры были названы Херсон, Боспор, Готия, Сугдея и Фулы (21, 39, 46, 47, 48 места в списке) [Gelzer 1901, S. 550-559; Dargouzes 1981, p. 52-78, 273-274]. Значит, Боспор стал обладать к этому времени примерно в два раза менее многолюдной кафедрой, чем Херсон, число прихожан в котором выросло, но зато превосходил прочие крымские автокефальные епархии. На соборе 861 г., созванном в Константинополе с целью укрепления авторитета патриаршества Фотия, из церковных иерархов Таврики присутствовали епископ Херсона, Павел, очевидно, незадолго перед тем сменивший славно потрудившегося, почившего Георгия, и епископ Боспора, Лука, что тоже говорит о влиятельности городов, которых они представляли [Гадло 1991, с. 104]. Оба центра не теряли свой ромейский облик, отстраивались. Не позже конца IX в., после разрушений середины-второй половины этого столетия [Айбабин 2000, с. 173], вновь велось строительство жилых усадеб, устроенных по типич-

⁴⁸ Новейшие разработки А.В.Сазанова показывает, что в Боспоре после периода середины - второй половины IX в. действительно следует период конца IX - последней трети XI в., конец которого тоже отмечен пожаром [Сазанов 1998, с. 82-83, табл. 21; Сазанов 1999, с. 293]. Результаты этих исследований не позволяют согласиться с попытками связать разрушения и перестройки ряда портовых боспорских кварталов с упоминанием в Кембриджском анониме (так называемом документе Шехтера) походом хазарского военачальника (бул-ш-ци) Песаха на крымские византийские владения, в ходе которого оказались захвачены три ромейских города, среди которых якобы мог быть и Боспор [см.: Голб, Прицак 1997, с. 141; Айбабин 1999, с. 227; Науменко 2001, с. 354]. Скорее всего, этот набег хазар был карательным рейдом в ответ на подстроенное византийцами нападение русов на Каспий, состоявшееся, по сведениям ал-Масуди, между 909 и 914 гг. [Новосельцев 1990, с. 212-218], но в боспорских материалах первой половины X в. его следы не фиксируются.

⁴⁹ А.Л.Якобсон связывал гибель сельских поселений Таврики, «разорение и застой в деревне» с «нашествием новых кочевников (вероятно. печенегов)», но поначалу относил ко второй половине IX в., между тем как печенеги не могли появиться здесь раньше последних лет этого столетия [ср.: Якобсон 1970, с. 11]. Позже он сдвинул эти события к рубежу IX-X вв. и стал видеть в них «грань в истории средневековой Таврики», хотя постулируемое им запустение никак не вязалось с «возрождением Херсона» [ср.: Якобсон 1973, с. 56].

но византийским градостроительным нормам, которые сохранялись до конца XI в., до очередного периода строительства⁵⁰. Все это никак не соответствует устаревшему надуманому представлению о «старом полузабытом Боспоре», который якобы доживал свой век на восточной окраине Таврики среди запустевших земель [ср.: Якобсон 1964, с. 60].

Интересно, что надгробие преподобному Никите, игумену парфенитского монастыря св. Апостолов Петра и Павла (abbas Niket[as], egoumenos tes monestous agious Apostolous), умершему в возрасте 53 лет 14 декабря 906 г, было сделано по заказу Николая, монаха и пресвитера «от Веспора» (аро Веспороу)⁵¹. Упоминание о покойном как о гостелюбце и нищелюбце (philoxenos on kai philoptochos) может служить косвенным указанием на наличие в здешнем эмпории при храме св. Апостолов, возможно, отстроенном или кардинально перестроенном именно в это время⁵², монастырского ксенодохиона или птохиона, который принимал приезжих из Боспора и других византийских центров. Очевидно, местное византийское духовенство сохраняло связи и ощущало свою общность, которая поддерживалась постоянными контактами между городами, полисами и кастра Таврики.

Церковно-славянская версия Жития Стефана Сурожского, донесшая невнятные отголоски каких-то действительных событий, в рассказе о посмертных чудесах святого упоминает о некой «царице корсунской» Анне (жене стратига?), заболевшей во время поездки из Херсона в Боспор и после исцеления щедро одарившей сугдейский храм св. Софии [Васильевский 1915, с. 96, гл. 32]. Если она была чьей-либо супругой, то скорее женой законного владыки края - стратига фемы Херсон, а не «хазарского наместника в Корсуне», как полагал Ф.Вестберг, считавший весь Крымский полуостров подвластным хазарам вплоть до правления императора Феофила [Вестберг 1908, с. 235-236]. Ф.К.Брун без колебаний объявил эту Анну женой киевского князя Владимира, но в таком случае остается необъяснимым, почему агиограф не назвал ее дочерью или сестрой греческих царей, которых он знал поименно, и тем более даже не упомянул самого равноапостольного Владимира, с которым княгиня Анна должна была бы ехать в Корчев, если бы их дорога оттуда шла в Киев, что тоже проблематично [Брун 1880, с. 128].

Обращает внимание последующее укрепление позиций архиепископских кафедр Херсона и Боспора, отражающее рост их значения и численности их паствы, поскольку в нотициях, составленных в течение 920-980-х гг., они передвигаются соответственно с 21 на 19 и с 39 на 32 места [Gelzer 1901, S. 568-575;

---

⁵⁰ Т.И.Макарова относил эти перестройки в портовом районе города к концу IX - первой половине X вв. [Макарова 1991, с. 127, 144].

⁵¹ Надгробие (0,44x0,27x0,02 м) было найдено случайно рабочим у подножья Аю-Дага [Латышев 1886, с. 58-65; Латышев 1896, с. 74-77, № 69].

⁵² Новые данные об этом см.: [Адаксина, Кирилко, Мыц 1999, с. 21-24; Адаксина, Кирилко, Мыц 2001, с. 19-26].

Darrouzes 1981, p. 78-87, 293]. Херсонское архиепископство явно главенствовало на обширной территории вплоть до Горного Крыма и носило название Херсакеи (Херсайкеи), судя по находке в одной из пещер на горе Басман надписи X в. с упоминанием Иоанна, входившего в число пресвитеров архиепископии Херсакеи [см.: Соломоник 1986, с. 214-215].

В конце IX-начале X вв. в Таврике наблюдалась все более заметная переориентация хозяйства на производство продуктов отгонно-пастбищного скотоводства, удобное и надежное в условиях нестабильной обстановки и в определенной мере стимулируемое контактами ромеев с кочевниками [Могаричев 1992, с. 104-106]. Эти продукты, необработанные шкуры, воск, скупаемые у степняков через торговцев византийской Таврики, перепродавались затем в Константинополе и других южночерноморских портах в обмен на хлеб, вино и прочие «произведения», «плоды» (*gennemata*), причем в сложившейся обстановке сами жители крымских кастра и одновременно портов-эмпориев были жизненно заинтересованы в поддержании такой посреднической торговли, в свою очередь выгодной для империи и по экономическим, и по политическим причинам [Константин Багрянородный 1989, с. 274, гл. 53, 530-535]. В данном случае херсониты оказались орудием византийской дипломатии в сношениях с печенегами и действительно «привлекали их на сторону Византии против усилившейся Болгарии» [Белов 1969, с. 37]. Как дважды наставительно подчеркнул Константин Багрянородный, без такой торговли они не смогли бы жить, а точнее, «иметь силы». Особо следует подчеркнуть ее активный характер, ибо горожане-предприниматели то и дело сами пускались в плавание к Константинополю и другим заморским византийским портам, где их всегда можно было застать во время навигационного сезона [ср.: Талис 1961, с. 72].

Судя по тем районам южного берега Черного моря, что указаны в трактате царственного автора, Херсон должен был осуществлять наиболее прочные, стабильные торговые морские связи с помощью чужих и своих судов с такими давними контрагентами как Амастра (Амастрида) и Синоп в феме Пафлагония, Сампсон и Аминс (Амис) в феме Армениак; Ватиса, Керасунт и Трапезунд в феме Халдия (Понт, Понтика), а через них, особенно через Аминс, - с глубинными районами Малой Азии, прежде всего, с Ганграми, Амасией, Севастией, пунктами нахождения коммеркиариев [ср.: Antoniadis-Bibicou 1963]. Среди них особенно выделялась своим значением центра реэкспортной, ярмарочной торговли Амастра - «око Пафлагонии», согласно описанию епископа Никиты Давида Пафлагона в конце IX - начале X вв., общий панигир, куда стекались «...Скифы, живущие на северной стороне Евксина, а равно и те, которые расположены к югу», то есть народы Таврики и подданные василевса из Малой Азии [Nicetae Paphlagonae 1864, col. 421; Сорочан 2001, с. 315]. В Похвале амастридскому мученику Иакинфу автор отмечал удобства Амастры, ее пышные постройки, крепкие стены, прекрасные гавани и «издревле знатных» жителей, но главное, что все приезжавшие туда, а значит и херсониты, приносили на торжище свои то-

вары и получали взамен то, чем располагал город. Обладал же он, по словам Никиты, многим, ибо «...во всем, что привозится и сушей или морем, здесь нет недостатка» [Nicetae Paphlagonae 1864, col. 421]. Примечательно также, что, перечисляя северомалоазийские земли - контрагентов Херсона, Константин Багрянородный особо, персонально назвал лишь один портовый центр - Аминс Армениаков, очевидно, по причине его широкой известности как поставщика продуктов и всего необходимого для жителей города [Константин Багрянородный 1989, с. 274, гл. 53. 533-535]⁵³.

Следует подчеркнуть, что Херсон особенно славился как крупный центр резкспортной, посреднической торговли воском. Это наблюдение фиксировалось, но должным образом не оценивалось исследователями [Романчук 1981, с. 322; Сорочан (1995) 1996, с. 120; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 265]. Между тем, василевс отмечал в своем пространном наставлении сыну Роману, как будущему императору ромеев, что его подданные - херсониты вступали в торговые соглашения с кочевниками, приходившими к городу, давали им «поручения», использовали для «служений» (*doubleias*), которое те выполняли за вознаграждение в виде влаттиев, прандиев, харериев (высококачественных, крашенных пурпуром тканей, занавесей, византийских и привозных из Сирии одежд, плащей, накидок, покрывал, лент), поясов, перца, красных парфянских кож и «других предметов, требуемых ими» (*kai etera eide ta up' auton epizetoumena*) [Константин Багрянородный 1989, гл. 6. 2-11, с. 40]⁵⁴. Восточные авторы тоже отмечали, что наряду со стадами многочисленных коней и баранов печенеги «...имеют много золотой и серебряной посуды, много оружия. Они носят серебряные пояса» [Заходер 1967, с. 74]. Видимо, немалая часть всех этих предметов проходила через руки херсонитов, торгашей - посредников, искусно использовавших к немалой выгоде для себя соседство с варварами. Основными же товарами, поступавшими теперь в Херсон в результате обменных операций с кочевниками, стали не продовольствие, как прежде, а невыделанные шкуры - вирсы и воск, в свою очередь перекупленный печенегами у росов, который херсониты на своих кораблях, а также на «судах и суденышках Понта» переправляли в Романию, то есть в заморские пределы империи. По словам василевса, без ведения такой торговли город не смог бы «иметь силы», значит, именно она была жизненно необходима и составляла основной источник благосостояния для многих горожан [Констан-

---

⁵³ Археологические материалы позволяют говорить о том, что Аминс - средоточие путей провинции Понт находился среди основных партнеров Херсонеса уже в античную эпоху, следовательно, перед нами пример устойчивых континуитетных торговых контактов [см.: Кадеев, Сорочан 1989, с. 16 слл.].

⁵⁴ Следует особо отметить, что словом прандии (*prandion*) назывались длинные верхние готовые одежды, свободно спадавшие и закрывавшие ноги [Пайкова 1990, с. 45]. Вместе с тем, это могли быть и накидки, головные покрывала, платки, прочий мелкий галантерейный товар наподобие лент, повязок, тесьмы, шнуров. Феофан писал, что авары поразили при своем первом появлении в Европе прандиями, которыми повязывали свои волосы (*ethnos abaron eichon tas komas opisthen makras pany dedemenas prandiois*) [Theophanis Chronographia 1883, p. 232].

тин Багрянородный 1989, гл. 53. 530-532, с. 274]. Учитывая, что под термином «кириа» (*ta keria*) понимался не только воск, но и готовая продукция из него, отлитые свечи, логично допустить переработку хотя бы части от того большого количества сырья для свечного дела, проходившего через город и его порт, местными кирулариями с целью продажи изделий на вывоз [подр. см.: Сорочан 1999, с. 73-74, 88-89; Sorochan 2002, p. 111-119].

Очевидно, столичные кируларии, объединенные в торгово-ремесленную ассоциацию - систему и имевшие свои торговые ряды с эргастириями на форуме Константина (до квартала Психи), у св. Софии и, видимо, рядом с некоторыми другими церквями [Сорочан 2001, с. 71, 107-108, 217], были особенно заинтересованы в получении сырья для своего ремесла, а, может быть, и партий готовой продукции, которую они с выгодой могли бы перепродать. На такого рода отношения указывает неопубликованный херсонесский моливдул из собрания К.Д.Смычкова, который датируется второй половиной X-первой половиной XI вв. Он имеет диаметр 22 мм, толщину 2 мм. На лицевой стороне печати ясно различим шестиконечный пышно процветший крест на ступенях, заключенный в круговую надпись - обращение к Божией помощи (*Kurie, boethei to so doulo*). Основные ветви цветения поднимаются выше первой перекладины креста и заходят за нее, ниже опускается цветущая ветвь. На обороте - надпись в четыре строки: *Petro keroulario amen* («[Господи, помоги рабу] Петру, кируларию. Аминь»). Этот моливдул может быть поставлен в один ряд с уникальной археологической находкой в Судаке более ранней византийской печати с именем Феофана халкопрата - торговца медью и медными изделиями, которая относится ко второй половине VIII в. или рубежу VIII-IX вв. [Шандровская 2000, с. 253-254, рис. 1,6]. По мнению публикатора моливдула, он был прикреплен к деловому документу, посланию, сообщавшему об отправке груза в Сугдею, а, может быть, сопровождал доставку груза или содержал предложение о продаже товаров. Очевидно, схожую информацию, только касавшуюся не меди, а воска и свечей, нес присланный в Херсон документ, опечатанный свечником Петром. Конечно, экспорт готовой продукции был более прибыльным, чем поставки на рынок необработанного сырья, и едва ли местные предприниматели упустили бы такую выгодную возможность и конъюнктуру.

Агиография, далекая от фальши в фиксации бытовых реалий, отразила наличие херсонского свечного дела в том месте Жития Константина, где речь идет о проповеди, осуждающей фетишистские обряды заблудшего в грехе «народа фульского». Составитель Жития отметил, что собравшись рубить старый дуб, которому по давнему обычаю поклонялись местные жители, старейшина и другие приняли участие в совершении очистительной церковной церемонии - «взяв белые свечи у Философа, с пением пошли к дереву» [Житие Константина 1981, с. 86, гл. 12]. Показательно, что своих восковых свечей у них не было, и они пользовались теми, которые Константин принес с собой из Херсона, где он находился в 861 г. Видимо, здесь в них не было недостат-

ка. «Слово на перенесение мощей преславного Климента», составленное кем-то из близких к архиепископу херсонских клириков, рассказывает, как херсониты во главе со стратигом Никифором «огнем множества свечей» издали поведали тем, кто вез мощи св. Климента, что их вышли встречать [Слово на перенесение мощей 1911, с. 130, гл. 10].

Не исключено, что местные кируларии находились в зависимости от Херсонской архиепископии, поскольку в византийскую эпоху свечное дело стало в значительной мере церковной монополией [ср.: Бородин 2001, с. 265]. В этом чувствуется растущее влияние церкви на «светские» сферы жизни. Но даже если местные свечники работали теперь главным образом на заказ, их заказчик в свою очередь был ориентирован на рынок и, если говорить о Херсоне, мог рассчитывать получать прибыль - кердос от вывоза за море. Поэтому наряду с солью, продуктами сельского хозяйства и прочими разными, наиболее необходимыми ремесленными изделиями, свечи и здесь, очевидно, попали в число самых обиходных, самых спрсовых вещей, став одним из основных предметов местного производства.

В целом, историческая ситуация в очередной раз показала, что даже в раннесредневековом мире можно безбедно существовать, не обязательно имея в избытке собственную аграрную продукцию. Жизнь все дальше уводила от дней, когда херсониты чувствовали себя «обитателями тюрьмы», текла налаженным руслем и сулила надежды, для которых были основания.

ЛИТЕРАТУРА

- Адаксина С.Б. Белоглиняное блюдо с изображением рыб из Алустана // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994.
- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Лысенко А.В., Мыц В.Л., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. Исследование крепости Алустан // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь, 1994.
- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.Л. Археологические исследования храма монастыря св. Апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчет археологической сессии Гос. Эрмитажа. СПб., 1999.
- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.Л. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 2001.
- Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Симферополь 1991. Вып. 2.
- Айбабин А.И. Могильники VIII - начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Симферополь. Вып. 3.
- Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Международ. конф. Симферополь, 1997.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Симферополь. 2000. Вып. 3.
- Айпалов Д.В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. 1916. Т. 25.
- Алексеев Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX-XI вв. // МАИЭТ. Симферополь. 1998. Вып.6.

- Алексеев Н.А., Смычков К.Д. Несколько новых печатей византийского Херсона // ХСБ. 1999. Вып.10.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. К., 1977.
- Анохин Г.И. Тайные маршруты русов // ВВ. 1996. № 11/12.
- Антонин. Житие иже во святых отца нашего Симеона Столпника // Сборник палестинской и сирийской агиологии / Изд. А.И.Пападопуло-Керамевс с рус. пер. В.В.Латышева. ППС. СПб., 1907. Вып.57. Т.19. Вып.3.
- Антонова И.А. Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь, 1994.
- Ариньон Ж.-П. Дипломатичні зв'язки між Візантією та Руссю з 860 по 1043 рр. // Хроніка 2000. К., 1995. №2-3.
- Артамонов М.И. Саркел - Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К, 1990.
- Баранов И.А. Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
- Белов Г.Д. Работы в Херсонесе в 1931 г. // СГАИМК. 1932. Вып. 1-2.
- Белов Г.Д. К вопросу изучения экономики Херсонеса эллинистического периода // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСБ. 1959а. Вып.5.
- Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Архив НЗХТ. Д. №1283.
- Белов Г.Д. Херсонес-Корсунь. Л., 1969а.
- Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г. // Архив НЗХТ. Д. №1685
- Белов Г.Д. Отчет о раскопках 1975 года в Северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. Д. №1760.
- Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. (а) // Архив НЗХТ. Д. №1842.
- Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив НЗХТ. Д. № 1909
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. (Херсонес, Мангуп). МИА. 1953. № 34.
- Белова-Кудь Н.Л. Монеты из раскопок кварталов XV-XVIII // МИА. 1953. № 34.
- Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С. Девичья крепость. Симферополь, 1999.
- Беневоленская Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики. МИА. 1970. № 168.
- Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905.
- Богданова Н.М. Церковь Херсона в X-XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
- Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991а.
- Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001.
- Брун Ф. Материалы для истории Сугдеи // Брун Ф. Черноморье. Одесса, 1880. Ч.2.
- Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI - нач. XIII вв.). К., 1997.
- Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Ч.2. Приложения. СПб., 1900.
- Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. Л., 1927. Т.5.
- Васильевский В.Г. Пгр., 1915. Т.3. Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.
- Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т. Пенителі Понта. Симферополь, 1992.
- Вестберг Ф. О жизни св. Стефана Сурожского // ВВ. 1908. Т.14. Вып.1.
- Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я.Сюзюмова. М., 1962.
- Волков И.В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001.
- Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива // КСИА. АН СССР. 1968. № 113.

Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона ...

- Гадло А.В. [Рец.] // ВВ. 1973. Т.37 (Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. №168).
- Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII-IX вв. // АДСВ. Античные традиции и средние века. Свердловск, 1980.
- Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
- Герцен А.Г. О крепостном строительстве на Мангупе (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма 20-24 сентября 1983 г.) // Архив НЗХТ. Д. №2385.
- Герцен А.Г. Мангуп. Город в крымском поднебесье. Симферополь, 2001.
- Герцен А.Г. Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
- Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988.
- Гилевич А.М. Золотые монеты из Херсонеса // СА. 1959. № 1.
- Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. 1964. Т.24
- Гилевич А.М. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965-1966 гг. // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9.
- Гилевич А.М. Клад херсоно-византийских монет из округа Херсонеса // НС. К., 1974. Вып.5.
- Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. 1992. Т.52
- Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
- Горский В. О походе русских на Сурож // ЗООИД. 1844. Т.1.
- Грандмезон Н.Н. О херсоно-византийских монетах // ВВ. 1986. Т.47.
- Гриневич К.Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г. // Крым. М.; Л., 1928. № 2(8). Вып.2.
- Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // ХСб. 1931. Вып.3.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Деяния Вселенских соборов... Казань, 1882. Т.6.
- Дюно Ж.-Ф., Аришон Ж.-П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ. 1982. Т.43.
- Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей словесных // Москва. 1991. № 5.
- Житие Иоанна Готского // Труды В.Г.Васильевского. СПб., 1912. Т.2. Вып.2.
- Житие и перенесение мощей св. Климента / Пер. П.Лаврова // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П.Г.Виноградова. М., 1912. Вып. 2.
- Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып.27.
- Залесская В.Н. Прикладное искусство Византии. IV-XII вв. СПб., 1997.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.
- Зеленко С.М. Кораблекрушения IX-XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001.
- Зицько В. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым. Международный конф. Симферополь, 1997.
- Золотарев М.И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1977. Вып.14.
- Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1979 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2053.

- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1984 году // Архив НЗХТ. Д. № 2480/1.
- Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2845.
- Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 46.
- Иеромонах Герасим (Яред).* Отзывы о св. Фотии, патриархе Константинопольском, его современников в связи с историей политических партий Византийской империи. СПб., 1874.
- Иоани Каменната.* Взятие Фессалоники // Две византийские хроники X в. М., 1959.
- История Византии.* М., 1967. Т.2.
- Кадеев В.И.* Подводные исследования в Херсонесе в 1965 году. Отчет объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, УрГУ, ХГУ о раскопках в Херсонесе в 1965 году // Архив НЗХТ. Д. № 1189.
- Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков, 2000.
- Кадеев В.И., Мецзяков В.Ф., Сорочан С.Б.* Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1982 году // Архив НЗХТ. Д. № 2326.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в.н.э. Харьков, 1989.
- Кёне Б.* Херсонес (Севастополь) // ЖМНП. 1855. № 11-12 (отд. отд.).
- Константи Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Костроличева Т.И.* Неизданные золотые монеты из Херсонеса // АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
- Косцюшко-Валюжинич К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. 1902. Вып.4.
- Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е 4-4. М., 1962.
- Кропоткин В.В.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА АН СССР. 1965. Вып.100.
- Кудь-Белова Л.Н.* Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса // ХСБ. 1931. Вып.3.
- Кулаковский Ю.А.* Из истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // ЖМНП. 1898. Ч. 315. Февраль.
- Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. 2-е изд. К., 1914.
- Кутайсов В.А.* Соляной промысел в Северо-Западном Крыму // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. К.; Судак, 2002.
- Кутайсов С.В.* Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. К.; Судак, 2002а.
- Латышев В.В.* Новая надпись из Партенита // ЗООИД. 1886. Т.14.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
- Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Известия АН. 1906. Серия VIII. Т.8. № 3.
- Лебедев А.П.* История разделения церквей... М., 1900.
- Левцкий Т.* «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Лопарев Хр.М.* Византийские жития святых VIII-IX веков // ВВ. (1911) 1913. Т.18.
- Лопарев Х.М.* Греческие жития святых VIII-IX вв. Пг., 1914.
- Майко В.В.* Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VII-X ст.: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАНУ. К., 1998.
- Макарова Т.И.* Поливная посуда. М., 1967.
- Макарова Т.И.* Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. К., 1991.
- Марченко Л.В.* Экологическая среда на территории Херсонесского государства в IV-III вв. до н.э. Севастополь, 1996.
- Марченко Л.В.* Херсонес Таврический во второй половине IV-первой половине III вв. до н.э. (сельское хозяйство, ремесло, торговля). Севастополь, 1996а.
- Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X-XI веков. М., 1963.

Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона ...

- Михеев В.К., Тортика А.А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII - середина X вв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. К., 2000. № 3. Юдаїка.
- Мозаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
- Мозаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Мозаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. №4 (152).
- Моравско-паннонские Жития Константина и Мефодия. 1. Житие Константина Философа (по рукописи бывш. Москов. Дух. Акад., хранящейся в Отделе рукописей Рос. Гос. б-ки, ф.173, №19) // Труды Славянской комиссии. Т.1: Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- Мурзкевич Н. Херсонская монета императора Ираклия I // ЗООИД. 1879. Т.11.
- Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножья Мангупа // БИАС. 1997. Вып.1.
- Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. 2001. Вып.2.
- Науменко В.Е. Церковно-политические контакты Византийской империи и Хазарского каганата в середине IX в. // Хазары. Второй Международ. colloquium. Тезисы. М., 2002.
- Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- Орешиников А. Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. М., 1905. Т.3.
- Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // Архив НЗХТ. Д. № 886.
- Отчет за 1907 год // Архив НЗХТ. Д. № 16.
- Пайкова А.В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // ПС. Л., 1990. Вып. 30(93).
- Паришина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. К., 1974.
- Паришина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. К., 1991.
- Паришина Е.А. Клейменная византийская амфора X-го века из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001.
- Паришина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII-X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001.
- Петров К. Дело то на Кирил и Методи во обновуването и распространето на култот на Климент Римски во уметности // Годишен зборник на Филозофски факултет. Скопие, 1978-1980. Т. 5/6.
- Пиоро И.С. Крымская Готия. К., 1990.
- Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.
- Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
- Подосинов А.В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. Сборник в честь 70-летия проф. В.И.Кадеева. Харьков, 1997.
- Полывинный Д.И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX-XV веков. Иваново, 2000.
- Приселков М.Д. Русско-византийские отношения IX-XII вв. // ВДИ. 1939. № 3.
- Продолжатель Феофана. СПб., 1992.
- Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889 год. СПб., 1892.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С.П.Кондратьева. М., 1950.
- Пространное житие Константина-Кирилла Философа // Жития Кирилла и Мефодия. М., София, 1986.

- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926.
- Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.
- Раскопки в Таврической губернии. В Херсонесе // ОАК за 1891 год. СПб., 1893.
- Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1899 год. - СПб., 1902.
- Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 1973. Вып.9.
- Романчук А.И. Херсонес VI - первой половины IX в. Свердловск, 1976.
- Романчук А.И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып.13.
- Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII-XII вв. // Byzantino-bulgarica. 1981. Т.7.
- Романчук А.И. Изделия из рога и кости в средневековом Херсонесе // АДСВ. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981а. Вып.18.
- Романчук А.И. «Слои разрушения X в.» в Херсоне (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира) // ВВ. 1989. Т.50.
- Романчук А.И. Херсон ранневизантийского времени // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Междунард. конф. Симферополь, 1994.
- Романчук А.И. Очерк истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
- Романчук А.И., Омелькова Л.А. Отчет об охранных разведках на левом берегу реки Бельбек, на восточном склоне балки Горный Ключ, в 3,5 км от пос. Заря Свободы // Архив НЗХТ. Д. № 1843.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. К., 1991.
- Россейкин Ф.М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад. 1915.
- Рудаков В.Е. Отчет о разведках экспедиции Уральского гос. университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. Д. 1914.
- Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И.Толстым и Н.Кондаковым. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891.
- Рыжов С.Г. Отчет за 1991 г. о раскопках в Северном районе Херсонеса усадьбы № 3 в квартале X «А» // Архив НЗХТ. Д. № 3065.
- Савеля О.Я. Отчет о разведках на Северной стороне Севастополя и в Бельбекской долине в 1964-1965 гг. // Архив НЗХТ. Д. № 1198.
- Савеля О.Я. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского гос. заповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2324.
- Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1998. Вып.5.
- Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV-V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1999. Вып.7.
- Седикова Л.В. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1993. Вып.3.
- Седикова Л.В. Керамическое производство в Херсонесе в IX в. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тезисы междунард. конф. Симферополь, 1994.
- Седикова Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь. 1994а. Вып.4.
- Седикова Л.В. Византийский керамический импорт в Херсонесе в IX в. // Византия и Крым. Междунард. конф. Симферополь, 1997.
- Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук / Институт археологии РАН. М., 1997а.

Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона ...

- Сидоренко В.А. Средневековая надпись с именем Tzal из баклинского склепа // МАИЭТ. Симферополь. 1998. Вып.6.
- Словарь современного русского языка. М.; Л., 1963. Т.14.
- Слово на перенесение мощей преславного Климента // Жития Херсонских святых в греко-славянской письменности / Изд. П.Лавров. Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2.
- Слово на перенесение мощей Климента Римского / Пер. И.Калиганова // Родник златоструйный. М., 1990.
- Смычков К.Д. Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. науч. конф. Харьков, 1999.
- Соколова И.В. Клад херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. 1971. Т.12. Нумизматика. №4.
- Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. Вып.26.
- Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1996. Т.52.
- Соломонович Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т.47.
- Соломонович Э.И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика. К., 1991.
- Сорочан С.Б. О политической роли и идейной ориентации торгово-ремесленного населения Византии в эпоху иконоборчества // Вестник Харьковского ун-та. 1992. № 363. История. Вып.26.
- Сорочан С.Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. Харьков, 1994.
- Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII-X вв. // Болгарский ежегодник. Харьков; София, 1995. Т.2.
- Сорочан С.Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII-IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, (1995) 1996.
- Сорочан С.Б. Об обстоятельствах и времени преобразования фемы Климаты в фему Херсон // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докл. II Международ. археолог. конф. Самара, 1997.
- Сорочан С.Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998.
- Сорочан С.Б. Ранняя Візантія: світло для живих і мертвих. Антологія освітлювальних приладів у джерелах з історії Візантії // Схід-Захід. Харків, 1999.
- Сорочан С.Б. Византия IV-IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 2001.
- Сорочан С.Б. О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе/Херсоне // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2002.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Спиридонов Д.С. Д-р И.Франко. Святый Климент у Корсуні. 1902-1905. Львов (Критико-библиографическая заметка) // ИТУАК. 1914. № 51.
- Степанова Е.В. К вопросу о судакском архиве печатей // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Тезисы докл. VIII науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1995.
- Степанова Е.В. Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001.
- Степанова Е.В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы науч. конф. К.; Судак, 2002.
- Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними / Пер. В.Латышева // ИАК. 1907. Вып. 23.
- Суров С.Г. Отчет о раскопках УрГУ и Херсонесского музея в Северо-западном углу Херсонесского городища. 1960 год // Архив НЗХТ. Д. № 2046.
- Суров Е.Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.
- Талис Д.Л. Политические отношения Корсуни с Русью // Архив НЗХТ. Д. № 612.

- Талис Д.Л. К характеристике византийской керамики IX-X вв. из Херсонеса // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1960. Т.37.
- Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в период раннего средневековья // ВВ. 1961. Т.18.
- Талис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА. 1976. №4.
- Талис Д.Л. Материалы к экономической и социальной истории Юго-Западного Крыма (ци-тадель Баклинского городища) // АДСВ. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.
- Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К., 1999.
- Толстой И.И. О византийских печатях Херсонской фемы // Записки Русского археологического общества. СПб., 1887. Т. 2. Новая серия.
- Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. 2000. Т. 59(84).
- Филиппенко В.Ф. Миссионерская деятельность римского епископа Климента в Херсоне и Инкермане - вымыслы и факты // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988. Тезисы докл. Севастополь, 1988.
- Франко Ів. Апокріфи і легенди з українських рукописів // Памятки українсько-російської мови і літератури. Львів, 1902. Т.3.
- Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т.59. Кн.3.
- Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904а. Т.60. Кн.5.
- Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. 1997. Вып.1.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып.6.
- Чекалова А.А. Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV - первой половине VII в. // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
- Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.2 (VII-IX вв.) / Сост. С.А.Иванов, Г.Г.Литаврин, В.К.Ронин. М., 1995.
- Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. Екатеринбург, 1997. Вып. 28.
- Шандровская В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Симферополь. 2000. Вып.7.
- Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып.3.
- Щербакова В.С. Раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря Свободы на трассе строительства шоссе Симферополь - Севастополь // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып.13.
- Эклога. Византийский законодательный свод VIII век: Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э.Липшиц. М., 1965.
- Юргевич В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД. 1886. Т.14.
- Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина философа, первоучителя славян св. Кирилла // Записки имп. АН. СПб., 1893. Т.27. Кн.1. Приложение 6.
- Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.
- Якобсон А.Л. Византия и история средневековой Таврики // СА. 1954. Т.14.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №63.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
- Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.

Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона ...

- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Якобсон А.Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т.49.
- Abrahamse D. Higiographic Sources for Byzantine Cities. University Microfilm. Ann. Arbor, 1967.
- Alekseenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // Studies in Byzantine Sigilligraphy. 1995. Vol.4
- Anastos M.V. The papal legates at the Council of 861 and their compliance with the wishes of the Emperor Michael III // Anastos M.V. Aspects of the Mind of Byzantium. Political theory, theology, and ecclesiastical relations with the Sea of Rome / Ed. Sp.Vryonis, N.Goodhue. London, 2001.
- Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les douanes a Byzance: l'octava, le «kommerkion» et les commerciaires. Paris, 1963.
- Bibliotheca geographorum arabicorum. Lugduni Batavorum, 1870. T.1; 1873. T.2. F.2.
- Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // JOB. 1981. Bd.31. Hbd.2.
- Bryer A. Byzantium and its Pontic Neighbours // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilken University, Ankara, Turkey. 2-9 September 2001.
- Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Rhilotheos. London, 1911.
- Chekin L.C. Christian of Stayelot and the Conversion of Gog and Magog. A Study of the Ninth Century Reference to Judaism Among the Khazars // Russia Mediaevalis. 1998. T.9. F.1.
- Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latini, e rec. Io. Iac. Reiskii. Bonnae, 1929. Vol.1.
- Corpus juris civilis. Berolini, 1895. Vol.2: Codex Iustinianus / Rec. P.Krueger.
- Crawford J.S. et al. The Byzantine Shops at Sardis. Cambridge, 1990.
- Darrouzes J.A.A. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. Paris, 1981.
- Dvornik F. Les legendes de Constantin et de Methode vues de Byzance. Prague, 1933.
- Dvornik F. The Photian Schism: History and Legend. London, 1948.
- Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hreg. V.L.Burgmann. Frankfurt a Main, 1983.
- Ecloga privata aucta // Ius graeco-romanum / Ed. C.E.Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1865. T.4.
- Emanov A. The Polyethnic Structure of Kaffa (5th - 10th Centuries) // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilken University, Ankara, Turkey. 2-9 September 2001.
- Epanagoge (corrigendum: Eisagoge!) Basilii, Leonis et Alexandri / Ed. C.E.Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1892.
- Epistolae Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum eriscopum // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып.2.
- Esbroeck van S. La substrat hagiographique de la mission khazare de Constantin-Cyrille // AB. 1986. T. 104.
- Essor A. Wo fand der Hl. Konstantin-Kyrrill die Gebeine der Hl. Clemens von Rom // Cyrillo-Methodiana: Zur Fruhgeschichte des Christentums bei den Slaven. 863-1963. Koln; Gratz, 1964.
- Gelzer H. Ungedruckte und ungenugend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum // Abhandlungen der philos.-philol. Classe der K.Bayerischen Akademie der Wissenschaft. Munchen, 1901. Bd.21.
- Ioannes Cameniates De excidio Thessalonicensi // Thephanes Continuatus... Bonnae, 1838.
- Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries. AD 610-1071. London, 1966.
- Kristo Gy. Hungarian History in the Ninth Century. Szeged, 1996.
- Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles du Saint Demetrius. T.1: Le Texte. Paris, 1979.
- Magnae Moraviae fontes historici. Brno, 1969. T.2.
- Malingoudis Ph. Die Hungersnot in Thessalonike (ca. 676-678) // JOB. 1990. Bd.40.
- Marquart J. Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. Und 10 Jh. Leipzig, 1903.

- Metcalf D.M.* Coinage in the Balkane. 820-1355. Chicagou, 1966.
- Meyvaert P., Devos P.* Trois enigmes cirillo-methodiennes de la «Legende Italique» resolues grace a un document inedit // AB. 1955. T.73.
- Minorsky V.* Hudud al-Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A.H. - 982 A.D. London, 1937.
- Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.
- Nicetae Paphlagonae Laudatio Sti Hyacintii Amastridensis // PG. 1864. T.105.
- Noonan Th.S.* Byzantium and the Khazars: a special relationship? // Byzantine Diplomacy. London, 1992.
- Oikonomides N.* Les listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. Paris, 1972.
- Oikonomides N.* La paleographie grecque et byzantine // Colloques internationaux du CNRS 559. Paris, 1977.
- Oikonomides N.* Tribute or Trade? The Byzantine-Bulgarian Treaty of 716 // Studia Slavico-Byzantina et Medievalia Europensia. Sofia, 1987. Vol.1.
- Oikonomides N.* Fiscalite et exemption fiscale a Bzyance (IX-XIe s.). Athenes, 1996.
- Oikonomides N.* The social structure of the byzantine countryside in the first half of the Xth century // Symmeikta. Athena, 1996a. T.10.
- Photius De rossorum incursione.* Homilia I, II // Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C.Muller. Paris, 1870. Vol.5. Pt.1.
- Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia* / Rec. B.Laourdes, L.G.Westerink. Leipzig, 1983. Vol.1: Epistularum pars prima.
- Procopii Caesariensis Opera omnia* / Rec. J.Haury, G.Wirth. Lipsiae, 1962. Vol.1.
- Rambaud A.* L'Empire grecs au Xe siecle: Constantin Porphyrogenete. Paris, 1870.
- Romancuk A.I.* Cherson im Mittelalters // BS. 1992. T.53. F.2.
- Romanchuk A.* Trade cooperation in Taurian Chersonese as an example of the Mediterranean-Black Sea Region // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Ankara, Turkey. 2-9 September 2001.
- Shepard J.* The Khazars Formal Adoption of Judaism and Byzantiums Northern Policy // Oxford Slavonic Papers. 1998. Vol.31.
- Sokolova I.* Les monnaies siciliennes du IXe siecle des fouilles de Chersonese // Congrès internationale de numismatica. Roma, 1965. Vol.2.
- Sorochan S.* Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World / British Archaeological Reports International Series 1019. Oxford, 2002.
- Theophanes continuatus* // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus / Rec. Im.Bekkerus. Bonnae, 1838.
- Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol.1: Textum graecum continens.
- Vavrinek V.* Great Moravia between Byzantium and the Latin West // GENNADIOC. К 70-летию акад. Г.Г.Литаврина. М., 1999.
- Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia // Byzantion. 1940-1941. Vol.15.
- La Vie grecque de S.Jean le Psichaita, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813-820)* / Ed. P.C. Van den Ven // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. Louvain, 1902. T.3
- Vita cum Translatione S. Clementis* // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. - Вып.2.
- Zelenko S.* Medieval Shipwrecks on the Coast of the Crimea // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent University, Ankara, Turkey. 2-9 September 2001a.
- Zuckerman C.* On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. 1995. T.53.
- Zuckerman C.* Short Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. Vol.21.

SOROCHAN S. B.

**“CARCERIS HABITATORES”? THE RULE OF CHERSON IN
THE SECOND HALF OF THE 9TH CENTURY**

Summary

The letter of Anastasius the Librarian, who used the report of Mitrophanus, the bishop of Smyrna, as a source, gives the idea of desperate position of the Chersonites at the end of the 850s – the beginning of the 860s. Supported by references to hagiographic monuments (the Life of Constantine, Vita cum Translatione S. Clementis, “On transporting the relics of Saint Clementis) it depicts an imaginary city cut off the contacts with the other world and situated close to the Khazars’ possessions. The author tries to take into account all the materials referring to the economy of the city, its economic development and political situation in complex. Such an approach gives an opportunity to reconsider some opinion, especially the one which represented the Chersonites as “prisoners” whose life was wretched. The mission of Constantine the Philosopher to obtain the relics of Clementis the Roman on January 30 (February 3, according to Gregorian calendar), 861, was undertaken on the initiative of cliros of Chersonesos archbishop episcopate to inspire their courage of the town-dwellers who were surrounded by enemies not once. It was indirectly connected with the large policy of Constantinople to Roman Church. The estimation of the level of development of fishing and salt walks, different handicrafts such as metallurgic, metal processing, jewellery, pottery, bone-carving, shipbuilding, book and candle manufacturing, foreign trade, brings to the conclusion that they were rather well developed in the second half of the 9th century under the condition of *thema* organization and it was slightly reorganised, because the city did not have its own agrarian base after the disintegration of Khazars-Byzantine condominium in Taurica and the necessity to develop trade – economic contacts with the barbarians, nomads and Byzantine possessions over the Sea. Just these objective circumstances, but not by specific love of freedom, explain the peculiarity of the position of the Chersonites – the subjects of the vasilev of Romania and the possibility for imperial government to exert economic pressure upon them effectively.